

Гарриет
Тайс

КРОВАВЫЙ
АПЕЛЬСИН

«Этот триллер вдыхает новую жизнь в жанр и захватывает от начала и до конца».

The Daily Express

18+

Гарриет Тайс
Кровавый апельсин

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Тайс Г.

Кровавый апельсин / Г. Тайс — «РИПОЛ Классик», 2019

ISBN 978-5-386-14175-2

Заботливый муж, милая дочка, дорогой дом и блестящая карьера – у Элисон была идеальная жизнь. Теперь это всего лишь декорация, за которой скрываются грязь и боль. Элисон пьет до тошноты и беспометства. Ее роман с коллегой больше похож на сексуальное насилие, чем на легкую интрижку. Она живет в мире коварных мужчин, которые готовы растоптать всех, кто встает у них на пути. Каждый день петля на шее затягивается все туже, и вскоре у Элисон останется только один выход...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-14175-2

© Тайс Г., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Гарриет Тайс

Кровавый апельсин

First published in English by Wildfire, an imprint of Headline Publishing Group.

© 2019 Harriet Tyse

© Сибуль Е.А., перевод на русский язык, 2021

© Ахмерова А.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2021

* * *

Моей семье

Пролог

Сначала закуливаешь сигарету, дымок вьется, поднимаясь к потолку. С первой затяжкой он застревает в горле, затем попадает в легкие, потом – в кровь, вызывая дрожь и трепет. Кладешь окурочек в пепельницу и готовишь декорации. Перегнувшись через спинку дивана, привязываешь веревку к стеллажу. От сизого дыма, что вьется по лицу, щиплет глаза.

Следующий шаг – для пущей мягкости обмотать веревку шелковым шарфом, потянуть за нее раз, другой, проверяя надежность узла. Для тебя это не в первый раз. Все рассчитано точно. Петля должна быть именно такой, не свободнее. Падение совершенно не нужно – нужна только маленькая смерть.

Телеэкранный готов, вот-вот начнется выбранный тобой фильм.

Последний штрих – апельсин на тарелке. Берешь нож, тот, острый, с деревянной рукояткой и крапчатым стальным лезвием, и вонзаешь во фрукт. Режешь пополам, на четвертинки, на осьмушки. Оранжевая кожура, белая прослойка, мякоть, ближе к краям интенсивно-красная – полный спектр заката.

Вот и все нужные тебе текстуры. Жгучий дым в воздухе. Фигурки, танцующие перед тобой на экране. Нежный шелк на грубой веревке. Стук крови в висках, ведь ты все ближе и ближе. Сладкий цитрусовый взрыв на языке, который перенесет тебя отсюда туда, к самой точке невозврата.

Действует безотказно. Ты знаешь, что никто тебя не потревожит. За запертой дверью только ты и сияющая вершина. Она совсем рядом.

Буквально в паре мгновений.

Глава 1

Октябрьское небо серое, сумка на колесиках тяжелая, но я жду автобус, считая себя везучей. Процесс окончен, прерван на середине после разбирательства о недостаточности доказательств. Всегда приятно заткнуть за пояс обвинение и порадовать клиента. А самое приятное то, что сегодня пятница. Уик-энд. Время домашнего отдыха. Я к нему готовилась – эту пятницу я проведу иначе... Пропущу стаканчик, максимум два, и все. Подъезжает автобус и снова везет меня обратно на другой берег Темзы.

В адвокатской конторе я направляюсь прямо в канцелярию и жду, когда кто-нибудь меня заметит, отвлекшись от звона телефонов и гула ксерокса. Наконец один из секретарей, Марк, поднимает голову:

– Добрый вечер, мисс. Звонил солиситор. Все очень довольны, что вы разделались с тем ограблением.

– Спасибо, Марк, – говорю я. – Улика с документами – полная ерунда. Впрочем, я рада, что процесс закончился.

– Блестящий результат. Понедельник пока свободный, но для вас оставили это. – Марк показывает на тонкую папку с розовой ленточкой у себя на столе. Вид у нее не впечатляющий.

– Отлично, спасибо. А что там?

– Убийство. Главный адвокат защиты вы. – Подмигивая, Марк протягивает мне папку. – Чудесное дело, мисс.

Марк выходит из комнаты, не дав мне ответить. Я стою с папкой в руках. Мимо в обычной пятничной кутерьме снуют секретари и стажеры. Убийство... Главный адвокат в деле об убийстве – это у меня впервые, я шла к этому всю профессиональную жизнь.

– Элисон! Элисон! Мы выпить собираемся. Пойдешь с нами?

Я с трудом сосредоточиваюсь на говорящих. Санкар и Роберт – барристеры слегка за тридцать, целая группа стажеров ходит за ними по пятам.

– Мы встречаемся в «Доке» с Патриком.

Эти слова до меня доходят.

– С каким Патриком? С Брайарсом?

– Нет, с Сондерсом. Они с Эдди только что завершили дело, вот и отмечают. То мошенничество, они его таки закончили.

– Ясно. Сейчас только бумаги занесу. Увидимся в баре!

Стиснув записки по делу, я выхожу из канцелярии. Голову лучше не поднимать: шея у меня горит – красные пятна никому видеть необязательно.

Укрывшись у себя в кабинете, я закрываю дверь и смотрюсь в зеркало. На губах помада. Лихорадочный румянец приглушен пудрой. Дрожащими руками глаза не подведешь, но я приглаживаю волосы и заново наношу парфюм: тюремная вонь мне ни к чему.

Я кладу бумаги на стол и поправляю фотографию, которую случайно задела. Пятничная попойка... Я выпью только одну порцию.

Сегодня все пойдет по плану.

Ребята из нашей конторы занимают половину подвального бара, грязной дыры, частенько посещаемой адвокатами по уголовным делам и их секретарями. Роберт машет мне стаканом, и я к нему подсаживаюсь.

– Вина?

– Да, непременно. Но только один бокал. Сегодня хочу пойти домой пораньше.

Комментариев нет. Патрик даже не поздоровался. Он сидит напротив меня с бокалом красного, поглощенный беседой со стажеркой – с той Алексией. Красивый, видный... Я заставляю себя отвести взгляд.

– Прекрасно выглядишь, Элисон! Ты постриглась? – веселится Санкар. – Роберт, Патрик, она же прекрасно выглядит? Да, Патрик? – спрашивает он с особым нажимом, а Патрик даже голову не поднимает.

Роберт отрывается от разговора с молодой помощницей секретаря, кивает и салютует мне пинтовой бутылкой пива:

– Поздравляю с первым «убийством»! С назначением главной! Оглянуться не успеешь, и ты королевский адвокат. Разве я не говорил об этом год назад после твоего успеха в Апелляционном суде?

– Не будем торопить события! – прошу я. – Впрочем, спасибо! У тебя хорошее настроение, да? – бодро осведомляюсь я.

Патрик не замечает меня? Ну и плевать!

– Сегодня пятница, и я на неделю уезжаю в Суффолк. Тебе тоже отпуск не помешает.

Я улыбаюсь и киваю. Конечно же не помешает. Неделя на море, например. На миг я представляю себя резвящейся среди волн, как на бравурных фотографиях, какие порой висят на дачах. Потом прямо на бере гу я наемся жареной рыбы с картошкой, разумеется, оденусь тепло, чтобы не продул холодный октябрьский ветер с Северного моря. Затем в удачно арендованном домике я разожгу камин... Потом я вспоминаю папки на рабочем столе у себя в кабинете. Не сейчас.

Роберт подливает мне вина, и я выпиваю. Вокруг своим ходом идут разговоры, дурные шутки и смех приливают и отливают, словно волны. Роберт что-то кричит Патрику, Санкару, потом мне. Подливают вино. Да, да, еще один бокал. Барристеров вокруг все больше. За столом кто-то призывно машет пачкой сигарет. Мы выходим покурить на улицу. Потом снова. «Нет-нет, теперь я угощаю, не вечно же курево у тебя стрелять». Нащупываю в кармане мелочь, с трудом поднимаюсь по лестнице к барной стойке. «Нет, „Мальборо-лайтс” не надо, только „Кэмел”, хотя сейчас уже по барабану. Да, еще вина, пожалуйста!» Еще бокал, потом еще, потом несколько стопок с чем-то темным и липким. Разговоры, шутки, приколы звучат все быстрее и быстрее.

– Ты же хотела уйти пораньше.

Внимание, прямо по курсу Патрик. С определенных углов он напоминает поседевшего Клайва Оуэна¹. Я поворачиваю голову и так и эдак, пытаюсь их найти.

– Боже, ну ты и набралась!

Я тянусь к его руке, а он резко отстраняется и смотрит по сторонам. Я сажусь прямо и убираю волосы с глаз. Все остальные уже ушли. Как же я не заметила?

– Где все?

– В тот клуб ушли, в «Свиш», хочешь туда?

– Ты же вроде с Алексией болтал.

– Так ты заметила меня, когда вошла? А я-то гадал...

– Это ты меня проигнорировал. Даже не посмотрел на меня и не поздоровался! – Я пытаюсь скрыть возмущение, но куда там...

– Эй, зачем так нервничать, я проводил Алексии профориентацию.

– Ага, как пить дать! – Поздняк метаться, ревность из меня так и хлещет.

Мы вместе идем в клуб. Разок-другой я пытаюсь взять Патрика за руку, но он отстраняется и, прежде чем мы добираемся до входа в «Свиш», заталкивает меня в темный угол между двумя офисными зданиями и для пушей убедительности хватает за подбородок.

– Не лапай меня, когда войдем.

– Я никогда тебя не лапаю.

---

¹ Оуэн Клайв – британский актер театра, кино, телевидения. Получил призвание после выхода в Великобритании телесериала «Законник». (Здесь и далее прим. пер.)

– Чушь, Элисон! В прошлый наш приход сюда ты пыталась меня щупать. У всех на виду. Да я защитить тебя пытаюсь!

– Не меня, а себя самого. Ты не хочешь, чтобы тебя со мной видели. Я для тебя слишком старая... – У меня срывается голос.

– Если собралась распускать сопли, иди домой. Я о репутации твоей пекусь. В этом клубе все наши коллеги.

– Ты хочешь сойтись с Алексией, вот и убираешь меня с дороги. – Слезы текут рекой, от гордости не осталось и следа.

– Хорошо истерить! – шипит Патрик, едва не касаясь губами моего уха. – Закатишь истерику – я перестану с тобой разговаривать. А теперь отвали! – Он отталкивает меня и сворачивает за угол.

Я спотыкаюсь на каблуках и, чтобы не упасть, прижимаю ладонь к стене. Вместо грубой шероховатости бетона и кирпича аккуратно под моей ладонью ощущается то-то липкое. На ногах теперь я стою твердо, нюхаю ладонь, и... меня рвет. Какой-то приколост измазал всю стену дерьмом. Жуткая вонь протрезвляет лучше, чем шипение Патрика.

Считать это намеком на то, что мне пора домой? Нетушки! Ни за что не оставлю его без присмотра в ночном клубе среди девиц, отчаянно старающихся произвести хорошее впечатление на одного из лучших инструктирующих адвокатов нашей конторы. Большую часть скользкой гадости я размазываю по чистому участку стены и с уверенным видом вхожу в клуб, улыбаясь швейцару. Если долго мыть руки, вонь сойдет. Никто ничего не узнает.

Текилы? Да, текилы! Вторую порцию. Потом третью. Музыка пульсирует. Сейчас я танцую с Робертом и Санкаром, затем с секретарями, потом учу танцевать стажеров, улыбаюсь, беру их за руки, кружусь, теперь снова танцую одна – машу руками над головой, – и мне опять двадцать, ни забот ни хлопот. Еще одна порция, джин-тоник, голова запрокидывается, крутится в такт музыке, волосы падают на лицо. Патрик где-то здесь, а я не парюсь – не смотрю на него и даже не представляю, что он танцует в обнимку с Алексией и улыбается ей так, как должен улыбаться лишь мне. Я в такие игры тоже играю! Покачивая бедрами, подхожу к барной стойке. Отточенным жестом убираю темные волосы от лица. Выгляжу шикарно. Для почти сорокалетней чудо как подтянута и дам фору любой двадцатилетней. Даже Алексии. Особенно Алексии. Патрик увидит и пожалеет... Пожалеет, что напортил и упустил такой шанс...

Начинается новая песня с битом потяжелее, и двое мужчин отталкивают меня, пробираясь на танцпол. Я теряю равновесие и падаю, роняя сотовый. Налетаю на женщину с бокалом красного в руке – вино заливает ей желтое платье, попадает мне на туфли. Женщина смотрит на меня с омерзением, потом отворачивается. Колени у меня мокнут в красной винной луже. Сейчас немного успокоюсь и встану.

– Элисон, поднимайся!

Я скидываю голову, потом опускаю:

– Оставь меня в покое.

– Только не в таком состоянии. Пошли!

Патрик. Хочется плакать.

– Не смейся надо мной.

– Я и не смеюсь. Я просто хочу, чтобы ты встала и ушла отсюда. На один вечер достаточно.

– Почему ты пытаешься мне помочь?

– Кто-то должен. Остальные твои коллеги нашли столик и хлещут просекко. Наш уход они не заметят.

– Ты пойдешь со мной?

– Да, если ты поторопишься. – Патрик берет меня за руку и помогает встать. – Выходи на улицу и жди меня.

- Телефон... – Я лихорадочно оглядываю пол.
- Что с ним?
- Я уронила его.

Вон он, под столиком у самого танцпола. Экран треснул и стал липким от вина. Я вытираю его о юбку и выхожу из клуба.

По дороге в контору Патрик меня не касается. Мы не разговариваем, не обсуждаем случившееся. Я отпираю дверь, с третьей попытки набираю правильный код сигнализации. Патрик идет за мной в кабинет, не целуя, сдирает с меня одежду, подталкивает к столу, заставляет нагнуться. Я выпрямляюсь и поворачиваюсь лицом к нему.

- Так нельзя.
- Ты каждый раз это говоришь.
- Я серьезно.
- И это я слышу каждый раз!

Патрик смеется, привлекает меня к себе и целует. Я отворачиваюсь, но он силой заставляет смотреть себе в глаза. Сперва я на поцелуй не отвечаю, но мгновение спустя растворяюсь в его вкусе и запахе. Сильнее... Быстрее... Я головой врезаюсь в лежащие на столе папки: это Патрик входит в меня сзади, на секунду замирает, затем начинает двигаться.

– Я не говорила, что... – начинаю я, но Патрик смеется, потом негромким «Тс-с-с» заставляет замолчать.

Одной рукой он тянет меня за волосы, другой пригвозждает к столу. Мои слова превращаются сперва во вскрик, потом в стон. Он толкается снова, снова и снова. Папки разлетаются, задевают фотографию в рамке, она падает, стекло бьется, но я не могу его остановить, не могу и не хочу, нет, хочу, потом еще, еще и еще; нет, нет, не останавливайся, остановись, мне больно, нет, нет, не останавливается; он кончает со стоном, вытирается, выпрямляется.

– Патрик, пора это прекращать!

Я слезаю со стола, поправляю трусы и колготки, аккуратно натягиваю юбку на колени. Патрик застегивает брюки, заправляет рубашку, а я стараюсь застегнуть блузку.

- Ты мне пуговицу оторвал! – жалуясь я, чувствуя, как дрожат пальцы.
- Ничего, пришьешь.
- Прямо сейчас не пришью.
- Никто не заметит. Здесь никого нет. Все спят. Сейчас почти три утра.

Оглядев пол, я нахожу пуговицу, сую ноги в туфли, врезаюсь в письменный стол. Кабинет кружится перед глазами, в голове туман.

– Я серьезно. С этим пора заканчивать. – Я стараюсь не расплакаться.

– Как я уже говорил, ты каждый раз это повторяешь. – Не глядя на меня, Патрик надевает пиджак.

– С меня хватит! Я так больше не могу! – Теперь я реву по-настоящему.

Патрик подходит и зажимает мне лицо ладонями:

– Элисон, ты напилась. Ты устала. Я знаю, что ты не хочешь с этим заканчивать. Я тоже не хочу.

– На этот раз я серьезно! – заявляю я и для пущей выразительности пячусь.

– Посмотрим. – Патрик наклоняется ко мне и целует в лоб. – Мне пора. Поговорим на следующей неделе.

Он уходит, не дав мне возразить. Я падаю в стоящее в углу кресло. Зачем я только напилась?! Я вытираю сопли и слезы рукавом жакета, потом отключаюсь, уронив голову на плечо.

Глава 2

– Мама! Мама! Мама!

Глаза закрыты. В постели так тепло и уютно... Матильда – умничка, пришла пожелать доброго утра.

– Мама! Ты в кресле спала. Почему ты спала в кресле?!

В кресле. Не на кровати. В кресле.

– Мама, открой глаза! Поздоровайся со мной и с папой!

Это не сон. Я открываю глаза, закрываю их снова:

– Свет слишком яркий, слишком яркий... Пожалуйста, выключите свет!

– А свет не горит, глупенькая мама! Утро на дворе.

Я открываю глаза. Это моя контора, мое рабочее место, полное записок по делам, протоколов с прецедентами, хлама, оставшегося со вчерашнего вечера. Моей дочери не следует стоять передо мной, прижимая вытянутую ручку к моему колену. Ей следует быть дома – нежиться в постели или завтракать за кухонным столом. Но она здесь, и я накрываю ее ладошку своей, пытаюсь привести себя в некое подобие порядка.

Я свернула калачиком в кресле, а сейчас выпрямляю спину и чувствую, что левая ступня затекла. Я двигаю ногами и морщусь: брр, кровь возвращается в конечности. Впрочем, большее всего не от этого. Перед мысленным взором вспыхивают события минувшей ночи. Матильда перегибается через подлокотник, обнимает меня, а я поверх ее головы вижу письменный стол и тень вбивающегося в меня Патрика. Я обнимаю дочку в ответ, вдыхаю запах ее волос, и бешено бьющееся сердце немного успокаивается. Я чуток перепила, заснула в кабинете, и только. Больше ничего не случилось. Я и с Патриком порвала. Так что все будет в порядке. Наверное.

Наконец я чувствую себя готовой взглянуть на Карла. Он прислонился к дверному косяку, в каждой черте лица разочарование, носогубные складки сегодня особенно заметны. Карл, как обычно, в джинсах и в худи, но из-за проседи и строгого вида кажется чуть ли не стариком.

Я откашливаюсь, чувствуя, что в горле пересохло, и подыскиваю слова, которые снимут напряжение:

– По дороге из клуба зашла сюда забрать записки по новому делу, потом решила быстро их просмотреть и сама не заметила, как...

– Так я и думал, – перебивает Карл без тени улыбки.

– Прости, я впрямь хотела вернуться домой пораньше.

– Да ладно, я знаю, какая ты! Я просто надеялся, что на этот раз ты поведешь себя как взрослый человек.

– Извини, я не нарочно...

– Я надеялся застать тебя здесь и подумал, что мы приедем и заберем тебя домой.

Любопытная Матильда расхаживает по кабинету, а потом – раз, и заползает по стол. Громко вскрикнув, она вылезает и идет ко мне:

– Мама, мама, ручку больно! Ой, как больно! – Она начинает плакать.

Карл бросается к дочке, вытирает ей руку носовым платком и показывает его мне. На платке кровь.

– Откуда на полу битое стекло? – Карл утешает Матильду, но его голос звенит от напряжения.

Я медленно встаю, залезаю под стол и вытаскиваю фотографию в рамке, которую сшибла накануне.

Из-за осколков мне улыбается Матильда.

– Моя фотография валялась на полу. Почему она валялась на полу? – Теперь Матильда плачет еще громче.

– Наверное, я случайно уронила. Прости, солнышко!

– Нужно быть аккуратнее! – злится Карл.

– Я не знала, что вы придете.

Карл качает головой:

– Я должен иметь возможность приводить Матильду к тебе на службу. – Он делает небольшую паузу. – Проблема даже не в этом. Я вообще не должен был приводить Матильду к тебе на службу. Вчера вечером ты должна была быть дома, как нормальная мать.

Возразить тут нечего. Остатки битого стекла я собираю в старую газету и выбрасываю в мусорную корзину. Матильдина фотография не пострадала, я вынимаю ее из сломанной рамки и ставлю у компьютера. Теперь нужно заправить блузку в юбку. Лицо у Карла злое, брови насуплены, а потом гнев превращается в бесконечную печаль. Раскаяние и чувство вины сжимают мне горло так сильно, что отступает ощущение похмельной кислоты.

– Прости, я не нарочно.

Карл долго молчит, его лицо выглядит устало.

– У тебя измученный вид, Карл, прости меня, пожалуйста.

– Так я впрямь измучен. Допоздна не ложился – тебя ждал. В следующий раз буду умнее.

– Надо было позвонить.

– А я звонил, ты не брала трубку.

Уязвленная его тоном, я достаю из сумки сотовый. Двенадцать пропущенных звонков. Пятнадцать сообщений. Я их стираю. Слишком много. Слишком поздно.

– Прости. Такое больше не повторится.

Карл набирает полную грудь воздуха:

– Не будем ругаться перед Тилли. Мы здесь. Мы вместе. – Он подходит ко мне, кладет мне руку на плечо. На миг я кладу руку на плечо ему, но Карл ее стряхивает, крепче сжав мне плечо. – Пора домой.

Тут он замечает, в каком состоянии мой телефон, берет его в руки и осматривает трещину.

– Боже, Элисон, тебе ведь буквально пару месяцев назад его ремонтировали! – Карл тяжело вздыхает. – Похоже, мне снова придется этим заниматься.

Спорить не о чем – я покорно выхожу за ним из конторы.

В Арчуэй ехать недолго, Автобусы и машины плотным потоком движутся по пустым улицам. Я прислоняю голову к окну и смотрю на памятки минувшей ночи – на обертки от бургеров и бутылки. Кое-где работают маленькие мусоровозы, щетками стирая следы пятничного веселья.

Грейс-инн-роад. Чугунная ограда, скрывающая из вида огромные лужайки. Роуз-бери-авеню, театр Сэдлерс-Уэллс... Вспоминаются давно прочитанные книги «Кастаньет в Уэллсе нет», «Вероника в Уэллсе»... Как же называлась третья? Ах да, «Маскарад в Уэллсе»². Про маски и притворство я знаю все! Кулаки сжимаются так, что костяшки белеют. Лучше не думать о том, где провел остаток ночи Патрик. Он поверил моим заявлениям о том, что все кончено? Он пошел домой или искать мне замену?

Карл накрывает мою ладонь своей:

– Ты слишком нервничаешь. Скоро мы будем дома.

– Просто чувствую себя виноватой, Карл, и усталой. Знаю, мы все устали.

---

² Элисон вспоминает детские книги британской писательницы Лорны Хилл.

Я отворачиваюсь еще дальше от него, пытаюсь подавить чувство вины, взгляд от окна не отрываю. Мы едем мимо станции Энджел, мимо ресторанов Аппер-стрит, которые хорошо начинаются и плохо заканчиваются в пабе «Уэзерспун» в Хайбери-корнер. Корзинки с цветами на Холлоуэй-роад, студенческие забегайки над индийскими ресторанами и ряды прикольных магазинов, торгующих латексной одеждой, которая, скорее всего, нравится Патрику.

– В суде все закончилось удачно? – спрашивает Карл, прерывая молчание.

Дом уже рядом, мы поднимаемся по склону холма. Я огорошена его тоном, куда более дружелюбным, чем прежде. Может, он злиться перестал?

– В суде?

– Ну, процесс, ограбление, ты им на этой неделе занималась.

– Я посередине его прервала... – Собственные слова доносятся будто издалека, из-под толщи воды, в которой плывет моя тяжелая голова.

– Так ты свободна на следующей неделе? Будь умницей, удели время Тилли!

Все, погружение закончилось. Выдернутая на поверхность воды, я отплеываюсь и пытаюсь отдышаться. Карл до сих пор злится.

– Пытаешься поставить мне это на вид?

– В последнее время ты очень занята.

– Ты же знаешь, как это важно для меня. Для нас. Пожалуйста, давай без наездов!

– Какие наезды, Элисон? Я попросил быть умницей, и только.

На вершине холма транспортный поток замедляется, потом сворачивает к Арчуэю. Дом. Место, где живет сердце. Я опускаю руку в карман проверить, на месте ли телефон, но удерживаюсь от желания посмотреть, не написал ли Патрик. Я выбираюсь из машины и, старательно растянув губы в улыбке, поворачиваюсь к Матильде. Она берет меня за руку, и мы заходим в дом.

Я моюсь под душем, оттирая следы Патрика. Я стараюсь не думать о том, как настойчив он был, как прижимал мою голову к столу, как под его весом жесткие края столешницы впивались мне в тело. Я ем сэндвич с беконом, который Карл оставил мне на разделочном столе, и прислушиваюсь к шуму, который доносится из сада. Там играет Матильда, пинает листья, носится вокруг лужайки – туда-сюда: «Вперед, папа!» Она как маятник, раскачивающийся между этой реальностью и другой, от которой я до сих пор не получила весточки. А ведь я строго-настрого запретила себе проверять эсэмэски. Я открываю папку с материалами об убийстве, потом закрываю. Почти непреодолим соблазн затеряться в записках по делу, между заявлением и фабулой спрятаться от реальности своей жизни, которую я пускаю под откос, мучая Тилли и Карла. Но, если начну работать сейчас, будет еще хуже, я знаю. Лучше потом.

На ланч приглашены гости, Карл готовит самое лучшее для своих университетских друзей. В духовке шипит баранья нога, сильно пахнет розмарином. Кухня блистает чистотой, что твоя рамка, в которую вот-вот вставят фотографию. Карл уже накрыл на стол: туго свернутые салфетки лежат на мелких тарелках, втиснутых между ножами и вилками. Со стоящей в углу доски стерли расписание рабочей недели – плавание, шопинг, собрания группы Карла. Сейчас аккуратным Матильдиным почерком там написано: «Люблю выходные!» – и нарисованы два держащихся за руки человечка, большой и маленький.

Все лишнее убрано, дверцы буфета закрыты. Я поправляю белые лилии, которые Карл поставил в вазу, но на стол падают комочки желтой пыльцы. Я вытираю их рукавом и поспешно ретируюсь.

Я выхожу к Матильде в сад, восторгаюсь паутиной на черносмородиновом кусте и веточками на падубе – это наверняка гнездо.

– Мам, это же гнездо? Может, там живет малиновка?

– Может.

– Нужно принести сюда еды. Чтобы птичка деток кормила.
– Хорошо, милая. Купим ей арахисовых орешков.
– Только не арахис! Нам в школе рассказывали, что орешки застревают и птички превращаются в шарики жира.

– Фи, какая гадость! Тогда чем их кормить?

– Не знаю. Семечками? Червяками?

– Папу спросим, ладно, солнышко? Может, он знает. Или в Интернете посмотрим.

Карл зовет нас в дом. Гости приехали, он вынимает баранью ногу из духовки. Восхитившись ею, я открываю холодильник, чтобы взять напитки, – мы легко вживаемся в роли, которые исполняем при каждом приходе Дейва и Луизы. Совместные ланчи по выходным у нас начались еще до рождения детей. В дни, когда темнеет рано, мы сидим за столом, набив животы стряпней Карла, и глушим бутылку за бутылкой. Я наливаю сока для Флоры, дочери Дейва и Луизы, затем откупориваю вино.

– Дейв за рулем, а вот я выпью. – Луиза тянется к бокалу, который я только что наполнила.

– Элисон, а ты будешь пить? – спрашивает Карл.

Он накрыл мясо фольгой и сыплет в блюдо чипсы.

– Да, а что? Сегодня же суббота.

– Я думал, после вчерашнего... – До конца договаривать ему незачем.

– Что «после вчерашнего»?

– Что тебе хватит. Ладно, это просто мысли вслух. Не бери в голову.

– А я и не беру. – Я наливаю себе больше, чем хотела. Совиньон блан льется через край.

Заинтригованная, Луиза поворачивает голову набок:

– А что было вчера?

Я вглядываюсь в ее лицо, надеясь, что резкий тон мне померещился.

– Ничего особенного. Вчера была пятница.

– Мама так устала, что уснула в кресле прямо у себя в конторе! Утром нам с папой пришлось за ней ехать. Папа сказал, за ней нужно приглядывать, – вмешивается Матильда.

Я закрываю лицо руками и тру глаза.

– Мама заснула на работе? Значит, она очень сильно устала. Может, вы с Флорой чипсы попробуете? Она наверняка проголодалась. – Луиза вручает Матильде блюдо с чипсами и ведет девочек к двери.

Да, я просто устала. Смертельно устала.

– Так тебе наконец дали убийство? Вот так новость! Ты, наверное, чем-то очень угодила сотруднику судебной канцелярии, раз получила такое дело, – усмехается Дейв.

– Она это упорным трудом заработала и наверняка заслужила. – Луиза обжигает мужа взглядом и поднимает бокал, салютуя мне.

– А что за убийство? Кровь-увечья-расчлененка? Давай поделись с нами пикантными подробностями.

– Дейв, не при детях же... – шипит Луиза.

– Если честно, с материалами я еще толком не ознакомилась. О чем бы там ни шла речь, собираюсь приступить завтра и разобраться. – Я поднимаю бокал, салютуя Луизе, и пью до дна.

– Я думал, мы завтра уедем из города, – удрученно говорит Карл. – Тилли, я же говорил, что мы все вместе куда-нибудь съездим?

– Я хочу в тот замок с лабиринтом! Папочка, ты обещал, что мы вместе съездим! – Матильда выпячивает нижнюю губу: обещанная поездка уплывает из-под носа.

– Сперва надо было у меня спросить... – бормочу я. Поработать можно, когда мы домой приедем, после того как дочка заснет. Замок – это здорово! Тилли будет бегать по лабиринту,

я – за ней. Потом мы потеряемся, станем звать на помощь и смеяться-смеяться-смеяться... – Доченька, мы конечно же поедem в замок!

Чем больше мы прикидываемся счастливой семьей, тем убедительнее выглядим со стороны.

Работа Дейва. Работа Лу. Пациенты Карла – никаких имен, лишь общие фразы о еженедельных собраниях новой группы сексоголиков. Дейв и Луиза нервно посмеиваются, а я слушаю вполуха: неинтересно, мне хватает преступлений сексуального характера на службе. Про мое убийство больше не заговаривают. Держа бокал за ножку, я выпиваю одну порцию, потом еще одну – только бы заглушить беспокойные голоса у меня в голове, которые бормочут, что дело об убийстве сложное, готовиться придется долго.

– Как насчет караоке? – предлагаю я.

– Как насчет сыра? Я портвейн купил.

Карл – суперхозяин, домом занимается так, как я в жизни не смогла бы.

– Кому бри? – предлагаю я, отрезая кусок.

– Элисон, смотри, что ты наделала, – говорит Карл. – Ты же поперек отрезала!

Я смотрю на бри, потом на отрезанный кусок. Горло сжимается, я кладу отрезанное обратно на доску и совмещаю куски. Карл тяжело вдыхает, но у меня нет сил с ним разбираться.

– А правда, как насчет караоке?

От пения мне стало бы легче. От хита Адель, например.

– Нам уже скоро ехать, – говорит Дейв. – Да и не рановато ли для караоке?

– Боже, ты всегда такой правильный... Ну и уезжайте! Я и одна спою.

– Не злись, уже почти семь, – напоминает Луиза. – Мы тут не первый час сидим.

Почти семь? Я опять потеряла счет времени. Половину разговоров уже и вспомнить не могу. Я встаю и залпом допиваю вино. Бокал я наклоняю так сильно, что две красные змейки из уголков рта ползут мне на белый топ.

С грохотом опустив бокал на стол, я шествую к двери:

– Ладно, я буду петь караоке, а вы кисните, если хотите. Суббота сегодня или нет?!

Сегодня я в ударе. Девочки, разинув рты, слушают, как я беру высокие ноты в треке «Грозовой перевал». Они в полном восторге. Хитклифф³ меня точно не пропустил бы. Я скачываюсь в бездну вместе с Адель, не забываю о Принце и его «Маленьком красном корвете», а потом исполняю свой мегахит, «Свет, который никогда не гаснет»⁴. Как-то раз мне сказали, что у меня эта песня звучит «сверхъестественно», как настоящий гвоздь любой программы. «Мой путь»⁵ исполнять не стану – закончу концерт собственным путем, заткнув за пояс Моррисси⁶. То есть, возможно, заткнув. Я максимально вытягиваю последнюю ноту и без сил падаю на диван. Где шквал аплодисментов?! Я точно помню, что Карл, Дейв и Луиза заворожено слушали, восторгаясь моим пением.

– ...как ты это терпишь. – Луизин голос вспарывает тишину, воцарившуюся после окончания песни.

– Тс! – шипит кто-то, призывая ее молчать.

Они обо мне говорят? Разве я плохо пела? Я откидываюсь на спинку бежевого дивана и закрываю глаза. Дверь хлопает, я вскакиваю, но вскоре снова устраиваюсь на подушках и плотно закрываю глаза.

---

³ Хитклифф – главный герой романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

⁴ „There is a light that never goes out“ – саундтрек к фильму «Пятьсот дней лета» в исполнении группы „The Smiths“.

⁵ „My Way“ – мегахит Фрэнка Синатры.

⁶ Моррисси Стивен Патрик – британский певец, фронтмен группы „The Smiths“.

Я резко просыпаюсь. В доме тишина. Я бреду на кухню и начинаю убирать в раковину грязные тарелки и бокалы. Для гостей Карл выставил хорошие бокалы из толстого стекла, которые выглядят дорого, но при малейшем соприкосновении у них обиваются края. Я переносу в мойку одну партию и возвращаюсь за другой.

Вечер закончился как-то странно. Мне думалось, что идея с караоке понравится всем, а сейчас терзают смутные опасения, что я все испортила. От выпивки мозги набекрень, мысли путаются. Раньше такого не было. Я проношу бокалы мимо кухонной двери, и в коридоре на глаза попадается репродукция с изображением церкви Темпла⁷. Карл подарил ее мне, когда я только стала адвокатом. Помню, я радовалась, что он такой чуткий. А вот мне чуть больше чуткости явно не помешает. Потеря работы сильно ударила по его самоуверенности, хотя он успешно переквалифицировался в психолога и открыл практику психотерапевта. Домохозяином он не собирался быть никогда.

– Не носи их так, я уже просил, – напоминает Карл.

Я вздрагиваю и едва не роняю бокалы. Они ударяются друг о друга и звенят.

– Я просто хотела помочь.

– Не надо. Иди присядь. Если ты что-то разобьешь, я не вынесу.

Спорить бессмысленно. Я смотрю на Карла сквозь челку. На виске у него пульсирует вена, щеки горят. Разумянившись, он выглядит моложе. На миг я снова вижу Карла-мальчишку с растрепанными темными волосами и улыбающимися глазами. Видение тает вместе с густотой Карловых волос, пока я не остаюсь наедине с реальностью – с раздраженным мужчиной за сорок, седеющим и лысеющим. Но тень воспоминаний остается – в недовольном мужчине просматривается смеющийся мальчишка, – и во мне вспыхивает искра любви.

– Пойду почитаю Матильде.

– Не хочу, чтобы ты ее расстраивала.

– Я не собираюсь ее расстраивать, я просто почитаю ей книжку! – Я очень стараюсь, чтоб мой голос не звучал жалобно. Искра любви тут же потухла.

– Матильда знает, что ты пьяна, и не рада этому.

– Не так я и пьяна. Все в порядке.

– В порядке?! При том что ты разозлила моих друзей настолько, что они не выдержали и уехали пораньше? При том что сегодня утром мне пришлось отскрести тебя от пола твоего кабинета?

– Я сидела в кресле, и не так уж рано они уехали.

– Ты понимаешь, о чем я.

Да, понимаю, но не согласна.

– По-моему, это несправедливо. Дейв и Луиза уехали не из-за меня. Я приглашала их петь караоке.

– Боже, Элисон... Я даже не знаю, с чего начать.

– Это несправедливо!

– Не кричи на меня. Я не намерен разговаривать с тобой, когда ты в таком состоянии.

– Я знаю, что разозлила тебя, и мне очень жаль. Раньше и мы с тобой, и Дейв с Луизой умели веселиться. Не знала, что все мы стали такими занудами. Ну и ладно. Пойду почитаю Тилли.

Не дав Карлу ответить, я выбираюсь из кухни.

Матильда сидит на кровати, читает книгу о Кларисе Бин⁸. Детка моя, хотя и уже шестилетняя.

– Спокойной ночи, мамочка! – бормочет она, обнимая меня. – Я тебя люблю.

---

⁷ В квартале Темпл находится одно из двух лондонских обществ адвокатов.

⁸ Серия книг о Кларисе Бин написана и иллюстрирована английским автором Лорен Чайлд с 1999 года.

– Я тоже тебя люблю, – говорю я, укутывая ее цветастым одеялом.

Карл появляется, когда я собираюсь выключить свет, и буквально минуту мы стоим вместе, глядя на нашего ребенка. Я поворачиваюсь к нему и протягиваю руку. Карл замирает, словно думая ее взять. Кисть у него почти расправлена, но в последний момент он отстраняется и сжимает ладонь в кулак.

– Я чай тебе налил. Он в гостинной.

– Спасибо!

Ответ короткий, но Карл уходит, не успеваю я его озвучить. Это начало, маленький, но ход. Не исключено, что Карл делает шаг навстречу, хотя я этого не заслуживаю. Лишь двадцать четыре часа назад я обещала себе, что выпью одну порцию и поеду домой. На миг я погружаюсь в черное отчаяние. Я не могу ограничиться одной порцией. Я не могу как следует заботиться о близких. Я долго смотрю вдаль, терзаясь угрызениями совести, а потом выбрасываю их из головы. Выпив чай, я ложусь в постель, расстроенная и обессиленная. Неделя была сложная. Засыпаю под тихий плеск воды: Карл моет посуду. По крайней мере, я предлагала помочь.

Глава 3

Когда я просыпаюсь, в доме ни души. Карл и Матильда уехали смотреть замок – так говорится в оставленной мне записке: «Разбудить тебя не удалось. Мы поехали смотреть замок. У тебя же все равно работа. Посуду я домыл». Никаких крестиков внизу – никаких значков поцелуев. Я слишком... Я обещала поехать с ними. Они должны были взять меня с собой. Осознав случившееся, я пытаюсь дозвониться Карлу, но телефон у него отключен. Лежа в постели, я слушаю сообщение его голосовой почты: «В настоящее время я не могу вам ответить. В настоящее время я не могу вам ответить...»

Скорее «не хочу».

Наконец он берет трубку.

– Что же вы меня не разбудили?!

– Я пытался. Ты пошевелилась и послала меня. Я решил, что лучше дать тебе выспаться. Этого я совсем не помню.

– Я проснулась в одиннадцать. На меня это совсем не похоже.

– Ты выжата как лимон. Прошлая ночь сказывается.

– Жаль, что вы не постарались меня разбудить. Или что не дождались.

– Я старался, Элисон, но ты не просыпалась. Мы уехали в девять. Позднее уже смысла не было.

– Понятно. Что же, мне очень жаль. Я не нарочно. Могу я поговорить с Матильдой?

– Она сейчас играет. Прерывать ее не хочется. Она сильно расстроилась из-за того, что ты с нами не поехала, но сейчас развеялась. Лучше оставь все как есть.

– Не понимаю... Я в жизни так долго не спала. Скажи ей хотя бы, что мне жаль.

– Как получилось, так получилось, – говорит Карл, потом меняет тему разговора так решительно, что я не отваживаюсь спорить: – Ты работой своей занимаешься?

– Сейчас засяду. На ужин жаркое приготовлю.

– Что же, не буду мешать. – Карл отсоединяется, не дав мне попрощаться.

Я перезваниваю, но тут же отменяю вызов, проведя пальцем по экрану. Поговорим позже, за сытным ужином. Я извинюсь перед Тилли и заставлю ее понять, что проспала поездку не нарочно. Я качаю головой, надеваю пижаму и спускаюсь на первый этаж работать.

Два кофе спустя я открываю записки по делу и хлопаю глазами, пытаюсь разогнать туман головной боли, поселившейся за правым зрачком. Корона против Мадлен Смит. Центральный уголовный суд. Дело переведено из мирового суда Камберуэлл-грин, ближайшего к месту совершения преступления, богатого жилого района на юге Лондона.

Пищит сотовый, и я тотчас хватаю его, надеюсь, что Карл готов помириться.

«Что скажешь о деле?»

Патрик! Волна радости сменяется злостью. Как он смеет писать мне в уик-энд, особенно после того, как мы расстались?! А потом меня осеняет.

«О каком деле?» – пишу я в ответ.

«О деле Мадлен Смит, твоём первом убийстве, так ведь?»

Кажется, об этом деле я Патрику не рассказывала. Мало-помалу меня осеняет, и я просматриваю записки. Вот оно! На последнем листе указаны адвокаты, инструктирующие представителя в суде, «Сондерс и Ко^о», фирма Патрика. Я спрашиваю себя, чем заслужила это дело – как далеко зашла, сколько раз у нас было, как сильно, как быстро. Только я знаю, что суть не в этом. С работой Патрик дурака не валяет. Только со мной.

Телефон снова пищит.

«Хм, да, всегда пожалуйста!»

А он строптивый!

«В пятницу я сказала, что между нами все кончено».

Я чувствую себя пятнадцатилетней.

«Помню-помню, но работа есть работа. На след. неделе предвар. встреча. Клиент хочет увидеть тебя в ближайш. время. Я согласую у секретарей».

Конец разговора, но не конец интрижки. О пятнице ни слова, беспокоиться мне не о чем. Трахни Патрик кого-то еще, он наверняка сообщил бы. Хотя мне должно быть по барабану. Я возвращаюсь к своей эсэмэске: *«В пятницу я сказала, что между нами все кончено»* – и стираю ее. Стираю всю беседу. Может, ради своего брака мне нужно отказаться работать с Патриком? Но дела вроде этого – моя профессиональная мечта. Я просто выполняю свою работу.

Чуть позже я откладываю записки и начинаю готовить ужин. Медленно крошу луковицу. Нож ловит последние солнечные лучи – я поворачиваю лезвие и так и эдак, пуская по стенам и потолку солнечных зайчиков. Этот большой кухонный нож мы получили в подарок ко дню свадьбы. Помню, я тотчас дала монетку дарительнице, своей школьной подруге Сандре. *«Не хочу резать любовь на части: мы слишком давно знаем друг друга»*, – сказала я, а Сандра улыбнулась и спрятала монетку в карман.

Мадлен Смит любовь не просто резала, а рубила, кромсала, неоднократно колола ножом – в своей клапемской спальне нанесла мужу пятнадцать различных повреждений. Смертельными могли оказаться несколько, хотя, согласно фабуле дела, составленной обвинением, наиболее вероятным патологоанатом назвал порез, едва не рассекший яремную вену. На фотографиях места преступления хорошо видны красные пятна на белом постельном белье.

Я мелко рублю еще одну луковицу.

Жаркое поспекает как раз к возвращению Карла и Матильды, но Матильда, едва взглянув на него, заявляет: она голодна, но мясо есть не станет.

– Вчера ты ела барашка, – напоминаю я.

– Сегодня папа рассказал мне, как убивают курочек, и я поняла, что это ужас.

– Но ведь ты не очень любишь овощи, – говорю я.

– Нет, но я не хочу, чтобы зверей убивали.

Я смотрю на Карла: помоги, мол, но тот лишь плечами пожимает.

– Хорошо, милая, я сделаю тебе омлет, но, может, про мясо ты еще раз как следует подумаешь? – предлагаю я.

Матильда кивает.

Я мешаю жаркое и протягиваю ложку Карлу:

– Будешь?

Карл берет ложку, смотрит на жаркое и принимает. Скривившись, он возвращает ложку мне:

– Нет, спасибо. Есть что-то не хочется.

– Надо было предупредить... Или ты теперь тоже вегетарианец? – Я отчаянно сдерживаю раздражение.

– Нет, дело не в этом, – отвечает Карл. – Просто пахнет немного...

– Немного что? – Я запрещаю себе злиться.

– Ну, немного... Слушай, не расстраивайся! Ты старалась, и это главное. Что касается новоявленного вегетарианства Тилли, я поддержу любое ее решение. – Карл улыбается дочери: – Будет очень здорово! Мы найдем новые блюда, которые тебе понравятся. – Карл поворачивается к плите и помешивает жаркое. – Попытка не пытка, Элисон, но, может, оставишь готовку мне? Я знаю, что любит Матильда. И омлет ей я лучше сам сделаю.

Я молча снимаю кассероль с огня и чуть сдвигаю крышку. Остынет жаркое – смогу заморозить, потом разогрею его себе на ланч, потом остатки доем. Насыщенный мясной аромат не отпустит меня несколько недель. Из густой подливы выглядывают аккуратные брусочки моркови... Вид отвратительный. И на душе у меня отвратительно. Мое кулинарное детище, даже не подгоревшее, отвергнуто.

Подходит Матильда. Я опускаюсь на колени и обнимаю ее.

– Солнышко, прости, что я сегодня с тобой не поехала, – говорю я тихо, для нее одной, потом глажу по щеке и еще раз обнимаю. Матильда крепко обнимает меня в ответ. Я отстраняюсь и, держа ее за плечи, заглядываю в глаза: – Обещаю тебе, очень скоро мы куда-нибудь съездим. Мы с тобой вдвоем. Куда захочешь, туда и отправимся. Обещаю тебе! Хорошо?

Матильда кивает.

– Обещаю!

Я снова притягиваю ее к себе и обнимаю. Матильда льнет ко мне, утыкается в плечо. Нервный узел внутри больше не кажется невозможно тугим.

Карл смотрит, как я купаю Матильду. Я расчесываю ей волосы, сушу, читаю ей, пою песенки, пока она не засыпает.

– Детей обманывать нельзя. Раз дала слово, сдержи обязательно.

– Так я сдержу.

– Уж постарайся.

– Карл, угрожать мне не нужно. Я очень стараюсь. Как начет поддержки и солидарности?

– Не зли меня, Элисон! Ты не в том положении, чтобы упрекать меня.

Гнев накрывает с головой, но тут же отступает.

– Знаю, знаю, прости меня...

Карл протягивает руку и пальцем гладит меня по щеке. Я перехватываю его ладонь, подношу к губам, а свободную руку кладу ему на затылок: иди, иди ко мне. Мы сейчас поцелуемся...

Карл отстраняется:

– Прости, я не могу.

Он уходит в гостиную и захлопывает дверь. Сначала я жду: вдруг Карл передумает? – Потом возвращаюсь в кабинет и тоже закрываю дверь. Меня отвергли, но я пытаюсь работать – пусть показания и статуты заглушат боль. Везде чувствуется сильный мясной запах.

Позднее, когда я раскладываю остывшее жаркое по маленьким пластиковым контейнерам, на кухню заходит Карл и закрывает за собой дверь.

– Я целый день думал, стоит ли тебе это показывать, – говорит он.

– Что мне стоит показывать?

Почему-то голос Карла заставляет мою руку дрожать, и подлива расплескивается по стенкам контейнера, который я наполняю.

– Ты должна понять, каково нам порой и почему мы так раздражаемся.

– Что именно я должна понять? – Я убираю большую ложку и накрываю контейнер крышкой.

Вместо ответа Карл роется в телефоне. Я тем временем убираю контейнеры в морозилку – ставлю вплотную друг к другу, отодвинув в сторону ополовиненную упаковку зеленого горошка. Сбивая лед по бокам морозилки, я слышу начальные аккорды «Скатываясь в бездну»⁹. Я улыбаюсь: буду про себя подпевать, мысленно делаю вдох и... слышу свое пение. Если это можно назвать пением. Я захлопываю дверцу морозилки и поворачиваюсь к Карлу. Экран сотового он показывает мне молча, в глазах чуть ли не жалость.

---

⁹ „Rolling in the Deep” («Скатываясь в бездну») – хит Адель.

Вчера вечером я была восхитительна, я пела, заливалась, как беззаботная птичка. Никто не присоединился ко мне? Ну и пусть. Они не поняли, чего лишились! Я была звездой и на волне музыки неслась прочь от мелкого препирательства, сопровождавшего вторую половину субботы. Сегодня я увидела то, что видели они, – поддаваю женщину с размазавшимся макияжем и вылезавшим из платья лифчиком. Я смотрю на нее в ужасе. Голос душераздирающий: она совершенно не попадает в ноты, которые я так прекрасно брала. Ритм отвратительно сбит, танец – еще отвратительнее. А самое отвратительное – лица гостей, которых она зовет танцевать вместе с собой. Или нет, самое отвратительное в этой записи – приглушенные голоса. Даже смех слышится. Дейв, Луиза... Господи, неужели и Карл смеется?

– Какого черта ты не остановил меня?

– Я пытался, ты не желала слушать.

– И тогда ты снял видео, на котором я веду себя как полное чмо?

– Я не из вредности, я только хотел, чтобы ты поняла, каково жить с тобой. Не всегда, но, когда ты в таком состоянии, это просто невыносимо.

Я снова смотрю в телефон. Женщина на экране – Элисон, я – успокаиваться явно не намерена. Она ковыляет к дивану и плюхается на него, собираясь петь хит Принца. Гранд-финал вечера – песня группы «Смитс», в отличном исполнении которой я не сомневалась. Получилось, мягко говоря, не очень. Телефон я держу дрожащими холодными руками, лицо заливают краска, под ложечкой сосет от стыда. Я закрываю глаза, но все равно слышу крики и невнятицу, которые вчера казались четким и ладным исполнением. Трясущиеся руки плохо слушаются. Я ставлю видео на паузу и собираюсь его стереть, но Карл забирает у меня телефон.

– Я просто хотела повеселиться, – оправдываюсь я.

– Но расстроила всех окружающих. Разве это веселье? – осведомляется Карл, глядя в пол.

– Я не думала, что кто-то расстроен.

– В этом все дело, Элисон. Ты никогда не думаешь.

Карл уходит с кухни, а я продолжаю раскладывать жаркое по контейнерам. Закончив, я вытираю столы и включаю посудомоечную машину, потом гашу свет и долго стою в темноте. Пусть мерный гул бытовой техники успокоит меня и заглушит мои собственные крики. Пронзительные, как звон битого стекла, они до сих пор звучат у меня в ушах.

Глава 4

Утром Карл готовит Матильде завтрак и собирает ее в школу. Раз не занята в суде, я собиралась отвезти ее сама, но Карл справляется так здорово, что мешать не хочется. Я спускаюсь на кухню выпить кофе.

– Если дашь мне телефон, я могу отвезти его в ремонт, – предлагает Карл. – Возле нашего медцентра есть мастерская.

Изображая беззаботность, я оцениваю риски. Я всегда была осторожна. Предельно осторожна. Сообщения, e-мейлы – все удалялось сразу после прочтения. Главное, вовремя предупредить Патрика.

– Если тебе нетрудно, было бы неплохо, – пожимаю плечами я.

– Трещину нужно убрать, пока не стало еще хуже. Новый телефон тебе покупать точно не захочется.

Я понимаю, что Карл прав, но ханжеский тон здорово раздражает. Раздражение стоит попридержать: Карл же услугу мне оказывает.

– Не забудь сделать резервную копию, а то мало ли что, – предупреждает Карл, садится и ждет, пока я копирую и откатываю данные, вытираю телефон и передаю ему.

– Спасибо, ты очень любезен.

Карл забирает телефон и уходит, Матильда торопливо обнимает меня и оправляется следом.

Едва за ними закрывается дверь, я звоню Патрику в контору, дабы перехватить его, прежде чем он позвонил мне на сотовый. Трубку берет Хлоя Сами, его младший партнер, и соединяет меня с ним.

– Я назначил встречу на завтра, – объявляет Патрик, не дав мне открыть рот.

– Записки я просмотрела. Ничего нового от обвинения нет? – холодно осведомляюсь я. О работе мне с ним говорить нетрудно.

– Пока нет. Но Мадлен нужно с тобой встретиться, вам нужно как-то наладить доверие.

– Ясно.

– Думаю, ты для ее дела подходишь идеально. Ты заставишь присяжных увидеть дело глазами Мадлен. Ты перетянешь их на свою сторону. С юридической точки зрения это непросто, но у тебя получается мастерски. – В Патрике говорит профессионал. Это объективная оценка, а не комплимент, но я аж подрагиваю от удовольствия. – Так, встреча завтра в два, – продолжает он. – В двенадцать жду тебя на вокзале Марилебон. Мадлен сейчас живет у сестры в Беконсфилде.

– Что же ты не сказал мне в пятницу, что будешь инструктировать меня по этому делу?

– Хотел сделать тебе сюрприз. Ладно, мне пора идти, – говорит он.

– погоди, Патрик! Не звони мне сегодня на сотовый и не пиши, ладно? Он у меня не с собой.

– Мы же только что с тобой поговорили, зачем мне снова выходить на связь? – удивляется он и вешает трубку.

Обидно, конечно, но перезванивать я не стану. Выбросив мысли о Патрике из головы, я берусь за работу.

Понедельник проходит вместе с остатками похмелья и страхом. То есть страх почти проходит. Чувствительное место за правым зрачком напоминает о боли, которую я причинила себе, Тилли и Карлу. «Никогда так больше не поступлю», – думаю я, надеясь, что слова только звучат фальшиво. Я просматриваю бумаги, выделяю, подчеркиваю. Карл привозит Тилли домой, а я так и сижу в пижаме, поглощенная делом Мадлен Смит. В конце дня Карл возвращает мне сотовый, он как новенький.

Во вторник утром я выбираюсь из дома одетая и обутая, вокруг меня скачет Матильда. Когда я захожу ее в школу, против меня сплачиваются мамочки-фитняшки в спортивной экипировке. Качая головой, я отгоняю паранойю. Я улыбаюсь одной, машу другим, здороваюсь с проходящими мимо отцами. Мамочки улыбаются в ответ, потом наклоняют головы поближе друг к другу и снова давай шушукаться: «Явилась не запылилась! Ну надо же, в кои веки! Удосужилась-таки, а то вечно беднягу мужа гоняет». Нет, они не об этом говорят! Зачем им?

Матильда тянет меня за руку, и мы по лестнице спускается к ее классной комнате.

– Удачного дня, солнышко! – Я наклоняюсь и обнимаю Матильду.

– Ты заберешь меня?

– Сегодня тебя заберет папа, у меня встреча.

– Ладно, пока.

Матильда вешает куртку на крючок и направляется к подружкам. Я задерживаюсь и смотрю ей вслед. Девчонки улыбаются, потом теснятся, принимая Матильду в свой круг. Я машу ей, а когда она машет в ответ, быстро выхожу из школы и, опустив голову, пересекаю детскую площадку.

«Главное, Матильде в школе хорошо», – твердит Карл, когда я жалуюсь на других родителей. Потом добавляет: «Со мной они очень любезны». «Уж наверное», – думаю я, но никогда не озвучиваю. «Просто нужно больше стараться», – говорит Карл в завершение. Именно так он выразился сегодня утром, когда проверял Матильдин ранец и подписывал ей книгу для чтения. Я не спорила: вероятно, он прав. «Я заберу ее сегодня, – пообещал Карл. – Последний клиент у меня в два». Что же, мне одной заботой меньше.

Я успеваю как раз к отходу автобуса и устраиваюсь на сиденье между двумя колясками. У ног стоит мой черный портфель, а в нем записки по делу – фотографии и страницы показаний, касающихся злодеяния, в котором за ближайшие месяцы мне предстоит разобраться лучше, чем во всем остальном – в собственных мыслях, в своем браке, в своей материнской никчемности. Жду не дожусь.

Приехав в контору, я здороваюсь с секретарями и выкладываю записки по делу на стол. Усаживаюсь и невидящими глазами смотрю в окно. Пятнадцать лет я работала, чтобы получить свое первое «убийство». Начинала с заурядного – с нетрезвых водителей, с наркозависимых несунув, с воров-рецидивистов в аду Бэлемского суда по делам несовершеннолетних, с жалких педофилов, трясущихся над непристойными детскими фотографиями; с преступлений, катящихся по наклонной от беспомощных горемык к неисправимым, которых даже мне порой хотелось навсегда упечь в тюрьму. На каждом шагу встречались мне неадекватные родители, плодящие детей с неадекватной тягой к алкоголю и наркотикам, обездоленность и отчаяние которых порой выливается во что-то вроде «Отдай телефон! Да, свой гребанный телефон, не то мозги вышибу / ножом пырну / сброшу с моста прямо под поезд».

Одно из любимейших у меня последнее дело об ограблении, доставшееся мне лет десять назад. Слушалось дело в Ноттингеме, многочисленные обвиняемые называли друг друга шантажистами и в итоге получили по пять лет каждый. А вот адвокаты в том процессе подобрались классные – каждый вечер мы напивались в ближайшем к «Трэвелоджу»¹⁰ пабе.

Итак, Мадлен Смит. Я листаю документы, пока не нахожу газетные вырезки с сообщением об убийстве, вскользь упоминающие информационные ограничения: дело находится в производстве. В самой большой статье есть фотография Мадлен, худой блондинки с усталым лицом и запястьями в наручниках, которую ведут двое полицейских.

---

¹⁰ «Трэвелодж» – крупнейший независимый гостиничный бренд Великобритании с более чем 570 отелями по всей стране.

«Сорокачетырехлетняя Мадлен Смит арестована после того, как ее супруга Эдвина обнаружили зарезанным на супружеском ложе. Эдвин Смит был главой американской управляющей компании „Атера холдингс“. Полицию вызвала уборщица, прибывшая на работу в дом стоимостью 3,5 миллиона фунтов на территории лондонского района Клапем. Согласно источнику, подозреваемая была обнаружена на полу возле трупа мужа и задержанию не сопротивлялась. Трагедия глубоко потрясла соседей. „Она всегда была такой любезной и помогала проводить уличные праздники, которые мы устраиваем каждый год. Поверить не могу, что такое случилось“, – заявил местный житель, просивший не называть его имени».

Я делаю паузу и готовлю себе кофе на кофемашине эспрессо, которую подарила Карлу на прошлое Рождество. Он ни разу ее не использовал, повторяя, что капсулы это очень непрактично.

А вот какие факты в своей краткой сводке предоставило обвинение. В понедельник 17 сентября уборщица обнаруживает Эдвина Смита мертвым, а его жену Мадлен – сидящей на полу рядом с телом. К тому времени Эдвин был мертв около двенадцати часов, смерть наступила из-за кровопотери. На шее и на туловище найдено пятнадцать колотых ран, очевидно нанесенных Эдвину во сне, так как оборонительных повреждений нет, равно как и признаков того, что он пытался остановить атаку или отбиться. Рядом с телом Эдвина валяется двенадцатидюймовый поварской нож, лезвие которого соответствует вышеупомянутым ранам. Кровь убитого пропитывает кровать и половицы, протекает сквозь потолок гостиной этажом ниже. Одежда Мадлен тоже в крови.

Полиция и «скорая» приезжают без промедления, хотя медицинская помощь пострадавшему уже не требуется. Мадлен аресту не сопротивляется, воздерживается от комментариев как сразу, так и впоследствии. Изначально ее отправляют в женскую тюрьму Даунвью, но две недели назад суд принимает прошение освободить ее под залог, и с тех пор она живет у сестры в Беконсфилде в условиях жестких ограничений.

Видимо, мне стоит ждать показаний уборщицы, поли цейских, фельдшеров «скорой помощи», патологоанатома, соседа, который якобы слышал крики, доносящиеся из дома Смитов в ночь гибели Эдвина. Не сомневаюсь, рано или поздно обвинение их предоставит. Так, а чем три недели назад в воскресенье занималась я?

Мы вернулись домой после довольно удачных выходных у моря. По крайней мере, Матильда получила удовольствие, а вот мы с Карлом пререкались и спали на разных сторонах кровати, явно созданной для страстных любовных баталий, а не для жарких ссор из-за неисполненных обещаний.

К запискам Патрик приложил отчет о передвижениях Мадлен в те выходные. По ее словам, домой приезжал Джеймс, их четырнадцатилетний сын, обучающийся в школе-пансионе, и воскресенье они с Эдвином отвезли его на вокзал Лондонский мост, чтобы он сел в поезд и вернулся в школу к вечерней службе. Имя Джеймса также фигурирует в списке свидетелей обвинения, хотя показания он еще не давал.

Мадлен вкратце рассказала солиситорам о себе. Сорокачетырехлетняя, она родилась и выросла в Суррее. Ее отец – дипломат, и в детстве она много путешествовала. Она дипломированный бухгалтер, хотя уже много лет не работает. Матерью она стала в тридцать. Они с Эдвином прожили в счастливом браке почти двадцать лет. О роковой ночи ей сказать нечего. Совершенно нечего.

Приехав на вокзал, я замечаю Патрика раньше, чем он меня. Он стоит у стены, уткнувшись в телефон. При виде него сердце радостно трепещет, и я спотыкаюсь о свою же сумку на колесиках. Патрик отрывает взгляд от телефона и улыбается, по-настоящему, не только губами, но и глазами. Я смеюсь, радуясь тому, что мне рады, и на миг забываю, что мы с ним расста-

лись. Когда приближаюсь вплотную, Патрик касается моей щеки. Я собираюсь поделиться с ним мыслями о деле, но звонит телефон, и он отворачивается, чтобы ответить. По пути на встречу с Мадлен мы почти не разговариваем, хотя Патрик, отвечающий на сообщения, то и дело касается моей ноги. Я заставляю себя отодвинуться: между нами все кончено. Сейчас Патрик, может, и любезен, но в пятницу любезен не был и во многих других случаях тоже.

Беконсфилд – милый спальный пригород, усеянный бутиками и гастробарами. На такси мы едем от вокзала к дому, где сейчас живет наша клиентка, и ждем у закрытых электроворот. Рядом с огромным домом сад кажется маленьким. Дома по соседству столь же огромные, новые, красивые.

Из-за двери выглядывает женщина и внимательно на нас смотрит. Очевидно, удовлетворившись увиденным, она исчезает в доме, и ворота медленно открываются. Хрустя гравием, мы идем к парадной двери.

Она распаивается, Патрик переступает порог и пожимает женщине руку:

– Рад встрече, Фрэнсин. Элисон, это Фрэнсин, сестра Мадлен.

Патрик отступает в сторону, и я пожимаю руку хозяйке. Пальцы у нее тонкие, рукопожатие крепкое. Фрэнсин жестом приглашает нас пройти в гостиную. Мадлен сидит там на диване, поджав под себя ноги, и поднимается навстречу нам.

Мадлен очень худая. Густые гладкие волосы блондированы, но корни отросли примерно на дюйм. На шее выпирают вены, на виске бьется жилка. Фрэнсин тоже худая, но более холемая, чем Мадлен: кожа и волосы у нее лоснятся. Фрэнсин нервничает, переступает с ноги на ногу, дергает полы кардигана. Рядом с ними я чувствую себя низкорослой, коренастой, эдакой крестьянкой, попавшей в дом к благородным. Обе сестры одеты в бежевое – в светло-коричневые брюки и серо-желтые кардиганы, явно кашемировые. У Мадлен изысканные украшения – бриллианты в ушах и на пальцах, а на безымянном – массивное кольцо вечности. Я кручу свои колечки из белого золота – помолвочное поворачиваю, чтобы спрятать крошечный бриллиантик, и он впивается мне в кожу.

– О тюрьме говорить не хочу. Это сущий кошмар. – Мадлен теребит кутикулу.

– Мы выгнали вас при первой же возможности, – деликатно напоминает Патрик.

С хрупкой Мадлен нужно разговаривать мягко, тщательно подбирая слова. Я не подозревала, что Патрик способен на такой тон.

– Могу я предложить вам чай? – спрашивает Фрэнсин.

– Да, пожалуйста, – киваю я. – С молоком, но без сахара.

Это занятие может ее успокоить, снимет напряжение, пульсирующее вокруг нее, и мы сумеем разговорить Мадлен.

Фрэнсин бросается прочь из гостиной, и снова севшая Мадлен слегка вытягивает ноги.

– Там постоянно кричали. Я пыталась спать, но не представляю, как можно уснуть среди такого... Это ад, кромешный ад. В полицейском участке мне удавалось уснуть, а там нет. И так пять ночей...

Мадлен замолкает и улыбается сестре, которая возвращается с подносом, на котором – чай, молоко, сахар и три вида печенья.

– Что-нибудь еще принести? – спрашивает Фрэнсин.

– Нет, этого достаточно, – заверяю я, и мы все благодарим ее.

– Я в полном порядке, Фрэнсин. Может, дашь нам поболтать? – Мадлен улыбается сестре, и та наконец уходит, закрыв за собой дверь.

– Что же, начнем. – Патрик отодвигает чайный поднос и выкладывает на журнальный стол папки из своей сумки. Я достаю из своей записки по делу и блокнот. – Давайте я познакомлю вас как следует. Мадлен, это Элисон Вуд, которая будет представлять ваши интересы.

Я киваю Мадлен.

– Элисон занимается адвокатской практикой более пятнадцати лет. Она провела множество сложных дел и в суде короны и в суде второй инстанции, – говорит Патрик, показывая на меня. Такое ощущение, что он описывает кого-то другого. – Она выработает идеальную тактику защиты. Ваши интересы будут поставлены во главу угла.

Мадлен смотрит себе на руки:

– По-моему, тут ничего не поделаешь. Преступление совершила я, и все тут.

– Погодите! Для таких заявлений пока рановато. Сначала давайте получим предварительные сведения.

Вот это Патрик, которого я знаю, – резкий, язвительный. Я рада, что он ее прервал, – плохо, когда клиенты торопятся говорить о преступлении: они должны дожидаться наводящих вопросов.

– Элисон, не объяснишь Мадлен, как события будут развиваться дальше?

– Да, конечно. Ваше дело, Мадлен, перевели из мирового суда в Центральный уголовный суд в Лондоне. Далее состоится слушание о признании вины с рассмотрением обстоятельств дела. Тогда и подадите заявление о признании или о непризнании.

– До этого еще несколько недель, верно?

– Да, слушание назначат в середине ноября. Через пять недель. В настоящий момент обвинением предоставлено очень мало доказательств, но в ближайшее время они появятся. То есть я на это надеюсь.

Я пытаюсь перехватить взгляд Мадлен, но она смотрит себе на руки. Ногти у нее обкусаны до мяса – единственный изъян в безупречной внешности.

Дождавшись кивка Мадлен, я продолжаю:

– До слушания нам нужно изучить доказательства. Если вину вы не признаете, назначат дату судебного разбирательства.

– А если признаю?

– Вам сразу вынесут приговор.

– Вот так я и поступлю.

Мадлен поднимает голову и встречает мой взгляд. Вид у нее спокойный, решительный. Даже слишком. Интересно, что она скрывает?

– Мадлен, настоятельно рекомендую вам не принимать решений, пока мы не изучим все доказательства. Не думаю, что на данном этапе самое правильное – занять принципиальную позицию.

Мадлен упрямо стиснула зубы, но, по крайней мере, слушает меня.

– Я знаю, что совершила.

– А вот я пока нет. Правовые аспекты тоже нужно учитывать, так что давайте не будем спешить.

Краем глаза я вижу, что Патрик кивает.

Мадлен встает, идет к окну, потом обратно. На миг мне кажется, что она сядет рядом со мной на мягчайший кожаный диван, но в последний момент она разворачивается и снова идет к окну.

– Напрасно вы под залог меня вытаскивали. Мое место за решеткой.

– Судимостей у вас нет, проблем с законом прежде не возникало, – после небольшой паузы замечает Патрик. – Суд согласился, что опасности вы ни для кого не представляете. Да и защиту в таких условиях строить гораздо проще.

Мадлен вздыхает, но с Патриком не спорит. Она снова усаживается на диван.

– Все разговоры с нами, адвокатами, носят конфиденциальный и доверительный характер. Следовательно, разгласить их содержание нас не заставят. Проблема возникнет в случае, если при встрече с нами вы скажете одно, а во время судебного разбирательства – другое. Воз-

никнет профессиональный конфуз, означающий, что мы не сможем далее представлять ваши интересы. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – кивает Мадлен.

Я достаю ручку и блокнот:

– Пожалуйста, расскажите, что случилось в те выходные. Начнем с субботы.

– Выходные мы провели с Джеймсом. Он приехал поездом в Лондон еще в пятницу вечером. Для субботнего ланча я приготовила сырные тосты, а ужинали мы в мясном ресторане в Клапем-коммон. Потом Джеймс отправился на вечеринку в Бэлем, которую устроил его школьный приятель, а мы с Эдвином на такси домой. – Мадлен делает паузу, чтобы перевести дыхание. Я записываю услышанное и кивком прошу ее продолжать. – Мы посмотрели фильм и легли спать.

– Какой фильм? – уточняю я.

– Это имеет значение? – Мадлен пожимает плечами. – «Славные парни»¹¹. Эдвину такие нравятся. – Осознав сказанное, она вскидывает голову: – Нравились. – Мадлен прижимает ладони ко лбу, делает глубокий вдох, потом выдох. – После этого мы легли спать. Джеймс вернулся около одиннадцати. То есть я так думаю, потому что очень устала и не слышала.

Я открываю рот, чтобы удивиться, – подростку позволяют разгуливать по Лондону в столь поздний час, – но прикусываю язык. Сейчас это в порядке вещей.

– Джеймс часто ходит на поздние вечеринки?

– Ходит, когда их устраивают. Насчет «часто» трудно сказать. Он то ходит, то нет – за ним не уследишь.

Матильде, когда подрастет, поздние вечеринки не светят. Не пушу. Ни за что не пушу!

– В воскресенье мы встали поздно. Я поджарила курицу, – продолжает Мадлен. – Потом мы отвезли Джеймса на вокзал Лондонский мост. Когда вернулись домой, Эдвин заявил, что хочет со мной поговорить. Он сказал, что уходит от меня.

Ручка едва не выскальзывает из пальцев: такого расклада я не ожидала.

На языке вертится вопрос, но Мадлен рассказывает дальше:

– Я выпила почти целую бутылку джина и отключилась. Разбудили меня крики уборщицы. Подняв голову, я увидела, что Эдвин мертв, а у моих ног лежит нож. – Мадлен говорит так тихо, что я едва слышу. – Я не хотела... Не помню, как у меня получилось. Простите...

Мадлен бледна, но к концу рассказа на щеках у нее появляется тусклый румянец.

– Пожалуйста, расскажите мне о Джеймсе, – прошу я мягче мягкого. Думаю, проще начать с этого, а потом перейти к ее отношениям с Эдвином.

Румянец сходит, лицо расслабляется.

– Что вы хотели бы знать?

– Какой он? Нравится ли ему в школе? Давно он учится в пансионе?

– В пансионе Джеймс второй год. Уехал перед самым тринадцатилетием. Говорит, ему очень нравится.

– А вам без него не трудно?

– Сначала было трудно, но к такому привыкаешь. Ездить туда-сюда каждый день было бы тяжело. Джеймс так поздно возвращался домой. Он и спортом много занимался... Не то чтобы я тяготилась его присутствием... Эдвин думал... – Мадлен осекается.

– Что думал Эдвин? – уточняю я тихо, чтобы не напугать.

– Эдвин думал, что Джеймсу будет очень полезно опереться. Еще он думал, что я чрезмерно опекаю сына, что Джеймсу нужно учиться самостоятельности.

– Вы соглашались с Эдвином?

Плечи расправлены, подбородок приподнят – так Мадлен реагирует на вопрос.

¹¹ «Славные парни» („Goodfellas”) – драма Мартина Скорсезе с Робертом Де Ниро в главной роли.

– Разумеется соглашалась. Эдвин был абсолютно прав. Он знает, как растить мальчиков. То есть знал.

– Понятно. Вы сказали, Джеймсу нравится школа. Что ему нравится больше всего?

– Спорт конечно же. А еще там царит порядок. Джеймс любит порядок. Ему нравилось, когда жизнь шла своим чередом, когда я держала себя в руках, когда мы вовремя ужинали, и так далее.

Я делаю запись.

– Получается, временами вы не держали себя в руках?

– Постоянно держать себя в руках не удастся никому. Я порой не справлялась... – Мадлен судорожно стискивает руки. – Вот еще одна причина того, почему Эдвин хотел отправить сына в пансион. Это разгрузило бы меня, и мы получали бы больше удовольствия от встреч.

Я записываю ее ответ.

– Как вы отнеслись к желанию мужа?

– Опять-таки Эдвин, наверное, был прав. Я вечно как белка в колесе. За всем следить непросто. – У Мадлен дрожит голос.

– За чем вам приходится следить? Чем вы заняты? – Я старательно сдерживаю эмоции.

– Помимо спортзала, пилатеса и сбора средств для галереи? Я стараюсь заниматься собой. Эдвин не позволил бы... – Мадлен снова не договаривает.

Я дергаю пояс юбки, чувствуя, как она впивается мне в бок. На пилатес времени хронически не хватает – вот в чем проблема моей семейной жизни. Я перечитываю свои записи. Пора закрутить гайки.

– Мадлен, расскажите, как складывались ваши отношения с Эдвином в последнее время?

– Что именно вы хотите знать?

– Вы ладили? Много времени проводили друг с другом? Эдвин часто бывал в отъезде?

Такие вещи.

– Разумеется, он часто бывал в отъезде. Он каждую неделю летал в Нью-Йорк.

– Каждую неделю? В самом деле часто, – говорю я.

– Так вы не знаете, как работают в Сити? Для топ-менеджеров это совершенно в порядке вещей, – ледяным тоном заявляет Мадлен, выпрямившись.

Замерзнув, я плотнее запахиваю жакет костюма от «Хоббс». Пусть он не от кутюр, зато куплен на свои кровные. Зубы Мадлен показывает мне впервые, и я представляю ее с ножом в руках, склонившейся над бездвижным телом мужа. Тут она вздыхает, сутулится, и страшный образ тает.

– Чем вы занимались в отсутствии мужа? – спрашиваю я.

– Тем, о чем я вам уже рассказывала. Я собиралась провести благотворительный обед в пользу галереи, а это дело хлопотное, – поясняет Мадлен.

– Какой галереи?

– «Фитцгерберт» в Челси. Правительство им почти не помогает, вот и приходится рассчитывать на спонсоров. Такие мероприятия очень важны.

– Галереям помогать интереснее, чем людям? – спрашиваю я, не сдержавшись.

– По-моему, это к делу не относится, – вмешивается Патрик.

Я улыбаюсь ему, потом Мадлен:

– Просто хочу получить максимально полное представление. Мадлен, если исключить роковой уик-энд, вы назвали бы свои отношения с Эдвином хорошими?

– Мне так казалось. Поэтому меня шокировало его желание развестись. – Мадлен нервно переплетает пальцы и не сводит с них глаз.

– Как думаете, почему он так поступил?

– Я не знаю! – Мадлен закрывает лицо руками, опускает голову и начинает всхлипывать.

Хочется спросить, не завел ли Эдвин интрижку, но она продолжает плакать – громкие, душераздирающие всхлипы доносятся будто из самого сердца.

– Эдвин погиб, погиб, и я не знаю, серьезно он говорил или мы могли все исправить. Это я виновата, я, только я...

Неловко даже Патрику – он ерзает в кресле и будто хочет обнять Мадлен, но в итоге поправляет документы и переклеивает стикеры, упорно не поднимая головы.

В гостиную без стука врывается сестра Мадлен.

– Вам лучше уйти! – заявляет Фрэнсин. – Видите, она больше не может.

– У нас есть еще несколько вопросов, – говорю я чисто для проформы, не сомневаясь, что нас выставят.

– А мне все равно! Зададите их в следующий раз. На сегодня хватит.

Я убираю блокнот в сумку и встаю. Патрик делает то же самое.

– В скором времени мы приедем снова – на следующей неделе. Для защиты Мадлен нам очень важно иметь полное представление о случившемся и о том, что тем событиям предшествовало.

– Хорошо. Очень хорошо, но не сегодня. На сегодня хватит. Теперь мне несколько часов ее успокаивать, а времени нет. – Фрэнсин кладет руку сестре на плечо и легонько встряхивает: – Тс, Мадлен! Скоро дети вернуться.

Мы с Патриком уходим, уже у ворот вызываем такси, в молчании добираемся до вокзала и едва успеваем на лондонский поезд.

Глава 5

– Я, пожалуй, выпью. Ты будешь? Джин?

Я киваю, Патрик уходит искать вагон-ресторан. Чувствую себя опустошенной, в ушах звенят всхлипы Мадлен. Мы провели с ней только полтора часа, а кажется, что куда больше.

Тилли уже отучилась и сейчас бежит к Карлу, который болтает с другими родителями. Может, они отправятся в кафе выпить горячего шоколада. Или, может, кто-то из подружек пригласит Тилли к себе поиграть, тогда Карл будет пить чай на кухне с подружкой мамой, а девчонки – играть в переодевания. Я чувствую запах шелковистых Матильдиных волос и тепло ее макушки, а в следующий миг сердце екает от испуга: Матильда исчезает, возвращается Патрик с джином. Я делаю большой глоток, алкоголем изгоняя страх. День получился тяжелый, только и всего.

Патрик подается вперед, кладет руку мне между ног и шепчет на ухо:

– Туалет тут рядом. В вагоне больше никого нет.

Знаю, что нужно возразить, напомнить, что мы с ним расстались. Я молча смотрю на него, чувствуя, что ладонь прожигает насквозь. Я вливаю в себя остаток джина и иду за ним, в последний момент схватив сумочку.

Патрик запирает дверь туалета и поворачивается ко мне. Затаив дыхание, я жду, что он сейчас поцелует, притянет меня к себе, нежно коснется моей щеки, как уже касался сегодня. Из-за эмоций Мадлен нервы на пределе, но это гарантированный способ успокоиться. Какое-то мгновение мы смотрим друг на друга – глаза в глаза. Потом его ладонь проскальзывает за тугой пояс моей юбки прямо в трусики, и напряжение отпускает.

Я вздыхаю, а Патрик осторожно ставит меня на колени и расстегивает ширинку. Ничего похожего на «ты – мне, я – тебе». Стараясь не залезть в лужицу мочи, я подбираюсь к нему и обхватываю его ладонью. Свободной рукой я держусь за раковину, к которой он прислонился. Он притягивает мою голову еще ближе, и я закрываю глаза.

Патрик кончает, я споласкиваю рот и сплевываю в раковину. Я устала и в зеркале вижу, что в уголках глаз тушь размазалась, а помады и след простыл. Тревоги возвращаются, как только отлетает кайф. Недовольство отражается в лице женщины, которая ждет у туалета с маленьким ребенком. Когда мы проходим на свои места, она тихонько цокает языком. В суете я забываю сумочку. Женщина окликает меня и отдает сумку, вытянув руку, словно ей противно со мной общаться.

Сумку я беру, не поднимая головы, чтобы не видеть лица женщины. Патрик садится на место и сразу утыкается в свой «блэкберри», отдаляясь от меня с каждым нажатием на клавиши. Я смотрю в окно, стараясь не думать о том, что где-то рядом воняет старой мочой. В лужу на полу туалета я точно не влезла. Но вот я нюхаю уголок сумочки, трогаю его пальцем и брезгливо одергиваю руку. Сырой. Колени я защитила, не подумав о сумке «Малберри», которую купила на гонорар с первого большого процесса. Увидев, чем я занята, Патрик морщится, потом возвращается к своим e-мейлам.

Телефон звонит, когда я перекладываю последние вещи из вонючей сумки в сумку на колесиках. На экране название Матильдиной школы, и у меня сердце екает. Прежде чем ответить, я выпрямляю спину, мысленно переключаясь с Патрика к домашним обязанностям. Едва дав мне поздороваться, учительница сообщает, что я опоздала в школу за Матильдой.

– Сегодня ее должен был забрать Карл. Мы так условились. – Я стараюсь говорить спокойно, по-деловому, совсем как учительница на другом конце линии.

– Ваш супруг утверждает обратное. Говорит, Матильду должны были забрать вы.

– Мне он сказал, что последний клиент у него в два. – Я паникую все сильнее.

– Если честно, миссис Бейли, мне все равно, кто кому что сказал. Сейчас пять минут пятого, и Матильду не забрали. До шестнадцати сорока пяти девочка может ждать в продленке, но я должна понять, кто и когда ее заберет.

Я выглядываю в окно. Поезд приближается к Марилебону, но еще нужно добраться от вокзала в Хайгейт.

– А с мужем моим вы связаться не можете?

– У него телефон отключен.

– Я приеду, как только смогу. Просто сейчас я в поезде.

– Ждем вас в шестнадцать сорок пять.

Поставив мне условие, учительница обрывает связь.

Пульс подскакивает, от паники сжимается горло.

Бедная Тилли ждет в школе одна. Я же была уверена... Какая сейчас разница, мне просто нужно успеть в школу. Достав из сумки зеркало, я убеждаюсь, что следов Патрика на лице не осталось.

– В чем дело? – Патрик не сразу, но отрывается от экрана «блэкберри».

– Я думала, Матильду забрали из школы, а ее не забрали. Мне нужно срочно за ней.

– А-а... ничего страшного.

Патрик снова утыкается в свой смартфон. Матильда его явно не интересуется. Я уже собираюсь возмутиться, но прикусываю язык – что толку?

Вдруг он снова поднимает голову:

– Так по возвращении мы не сможем как следует поговорить о деле?

– Боюсь, что так. Я должна забрать дочь.

– Неужели больше некому? – раздраженно осведомляется он.

– Боюсь, что некому. Отцу Матильды они дозвониться не могут, поэтому забирать мне.

С тех пор как мы вернулись на свои места, в глазах Патрика впервые читается интерес.

– А ты звонить ему пробовала?

Я качаю головой, набираю номер Карла и... попадаю напрямую на голосовую почту.

– Телефон отключен. В школе сказали то же самое. Звонить бесполезно: при пациенте Карл трубку не возьмет.

Я снова принимаюсь спасать, что можно, из мокрой сумки.

– Нам нужно поговорить о деле. Это важнее, чем играть в няньку. Пусть муж твой этим занимается. Разущи его! Позвони ему снова.

Я звоню Карлу во второй раз и снова попадаю на голосовую почту.

– Говорила же я тебе! И я не играю в няньку, Патрик, я забочусь о дочери. Мне нужно ее забрать.

Вытащив из сумки «Малберри» все, я сворачиваю ее и запихиваю на багажную полку. Если кому-то понравится, пусть берут на здоровье.

Поезд приближается к вокзалу, я беру пальто и направляюсь к двери, готовясь выйти в Паддингтоне:

– Я тебе позвоню.

Патрик больше не спорит. Изменившись в лице, он касается моей руки. Я руку отдергиваю: слишком беспокоюсь о Матильде, чтобы радоваться его ласке.

– Нам придется наложить финансовое наказание. Штраф составит двадцать фунтов.

Учительница – миссис Адамс, я почти уверена, что ее зовут миссис Адамс, – делает запись в ноутбуке и захлопывает его, стуча ногтями с красным лаком по его крышке. Закусив губу, я четко осознаю, что, если бы не старалась фигурировать в «блэкберри» Патрика, не удостоилась бы записи в этом ноутбуке.

– Простите, у меня была важная встреча за пределами города. И я была уверена, что Матильду вовремя заберет мой супруг.

– Вчера он предупредил нас, что Матильду заберете вы. Она так обрадовалась, что вы приедете за ней в школу.

«В кои веки» учительница не озвучивает, но ей и не нужно. Я старательно не обращаю на это внимания.

– Извините, я, наверное, неправильно его поняла. Ничего страшного, бывает. Но сейчас я здесь. Пошли домой, Матильда!

Я тянусь за дочкиным ранцем.

– Двадцать фунтов нужно уплатить сейчас.

Учительница встает между мной и Матильдой – эдакий барьер из серого трикотажа загромождавает меня от дочери. А если обратиться к ней менее официально, может, это поможет?

– Миссис Адамс, я еще раз извиняюсь за опоздание. К сожалению, двадцати фунтов у меня с собой нет – остатки наличности я потратила на такси, чтобы скорее добраться сюда с вокзала. Вы назначили время, и я едва успела. Деньги мы принесем завтра. Пожалуйста, миссис Адамс...

– Мисс, а не миссис! – резко перебивают меня.

– Мисс Адамс. Простите. Деньги будут завтра. Пошли, Матильда!

Я делаю шаг в сторону и тянусь к дочери. Серый барьер тоже двигается с удивительным проворством для такой ширины.

– Андерсон. Моя фамилия Андерсон. Я отвечаю за группу продленного дня и слежу за пунктуальностью родителей. Завтра штраф составит тридцать фунтов.

Порозовев, учительница вскидывает подбородок. Похоже, стычка со мной – гвоздь ее сегодняшней программы.

Я смотрю на часы: мы препираемся уже минут десять. За это с меня тоже оштрафуют?

– Мисс Андерсон, завтра утром я принесу двадцать фунтов. Наличными. В конверте. Ваше имя на нем напишу. Простите за доставленные неудобства, но сейчас я заберу дочь домой.

Раз – и я протаскиваю Матильду в брешь между стеной и мисс Андерсон. Опустив голову, Матильда бросается ко мне в тот самый момент, когда учительница делает выпад в сторону, чтобы ее перехватить. Мой взгляд учительница встречает совершенно спокойно, а в следующий миг я вывожу из школы и дочь, и сумку на колесиках. Мисс Андерсон что-то бормочет мне вслед про завтрашний день, но с меня хватит. Прочь от здания школы, быстрее за ворота, пока меня не притянуло обратно под злой взгляд учительницы! Остонавливаюсь я, лишь свернув за угол.

Я притягиваю Матильду к себе и обнимаю:

– Прости, милая, я боялась, что она никогда нас не отпустит.

– Она так злилась! – шепчет мне в плечо Матильда с восторгом и страхом.

– Знаю, знаю, прости! Пошли, конфет купим. Нужно какое-то лекарство от шока...

Матильда смеется, и в первом попавшемся магазине я покупаю ей две упаковки железных «Миллионс» и чупа-чупс.

Мы медленно спускаемся по холму к Арчуэю. Лондонский горизонт плывет перед глазами, силуэт Шарда¹² вспарывает туман, который я отказываюсь считать слезами. По крайней мере, Матильда довольна и с удовольствием уплетает конфеты. Я вытираю глаза рукавом. Таскать за собой сумку на колесиках надоело до ужаса – бросить бы ее в ближайшую урну, запахнуть и примять, чтобы утонула в море оберток от бургеров и пакетиков с собачьим дерь-

---

¹² Шард – небоскреб в Лондоне высотой 309 метров.

мом. Это же ярмо по-современному, отличительный знак барристеров, кочующих по уголовным судам на юго-востоке. Я снова вытираю лицо рукавом, слезы наконец отступают.

– Такое больше не повторится! – обещаю я, опускаясь на колени рядом с дочкой.

Матильда обдумывает услышанное и улыбается.

– Ты же не нарочно, – говорит она. – Значит, ничего страшного.

Я улыбаюсь ей в ответ, и она меня обнимает. Остаток пути мы идем молча под скрип колес моей сумки и хруст Матильдиных конфет.

– Я даже злиться на тебя больше не могу. С этим нужно заканчивать. Ты должна стать организованнее. – Голос Карл не повышает. Ему и не нужно.

– Наверное, я дни спутала. Ты же вроде сказал...

– Ты же знаешь, что по вторникам я допоздна с пациентами. – Карл качает головой и поворачивается к томатному соусу на плите.

– Наверное, я напутала, – повторяю я, потому что сказать больше нечего.

– Да, наверное. А потом взяла и накупила Матильде конфет. Ужинать теперь она не будет.

Я жду продолжения упреков, но Карл наливает в кастрюлю воды из чайника и кладет две горсти макарон. Когда он принимается натирать пармезан, я тихонько выбираюсь из кухни. Молчание хуже любых упреков. Нужно исправляться.

Глава 6

Прошла неделя. Октябрь в самом разгаре, как и процесс в Бэзилдонском суде короны, на котором я защищаю футболиста среднего пошиба, обвиненного в незаконных половых сношениях с несовершеннолетней. Можно с полной уверенностью сказать, что процесс получился не слишком успешным, подсудимый вел себя отвратительно, и, даже будучи его представителем, я рада, что ему дали пять лет. После оглашения приговора я навещаю его в изоляторе.

Дождаясь у двери, я проверяю электронную почту. Спам, спам, новости по разным судебным процессам, сообщение от Патрика. От Патрика! Я открываю письмо с бешено бьющимся сердцем. На прошлой неделе мы виделись только раз, вечером четверга у него в квартире. Патрик эсэмэской спросил, свободна ли я, и позвал к себе. Когда я приехала, уже смеркалось, а потом лежала рядом с ним, смотрела, как темнеет за закрытым жалюзи окном, и слушала, как Боб Дилан поет о том, что не стоит думать дважды¹³. Вместе с ним, рядом с ним было так хорошо...

«След встреча с Мадлен Смит назначена на среду. Потом нужно поговорить о деле. Разберись с яслями».

Я морщусь сотовому. Мы язвим и пререкаемся, словно вечера четверга в помине не было. Тогда он дышал мне в макушку, наши сердца бились в унисон, мы поцеловались, когда кончили. «Редкостный вечер», – сказал тогда Патрик. Идиллия. Я даже вздохнуть боялась, чтобы ее не нарушить. Когда одевалась, Патрик смотрел в телефон и едва поднял голову, чтобы попрощаться, хотя я пыталась его поцеловать.

– Мисс, мисс, вы к кому? – Приглушенный голос из переговорного устройства возвращает меня к реальности.

– К Питеру Ройлу.

– Понятно.

Встречу приятной не назовешь, как я и ожидала. Ройл, взбешенный пятилетним сроком, не вынимает изо рта сигарету. Отдельные спортсмены сохраняют форму даже за решеткой, но, по-моему, это не про самовлюбленного, испорченного Ройла. Основной нападающий «Бэзилдон Юнайтед», он привык к подхалимажу на футбольном поле и обожанию вне его (в тех редких случаях, когда он соблаговолит появляться на работе в автомастерской). Разумеется, он совершенно не готов принять реальность того, что закон запрещает вольничать с пятнадцатилетней девочкой, даже если она согласна. Нельзя подбивать под нее клинья, склоняя к сексу. Однажды Питер так настойчиво добивался минета, что девчонка пожаловалась маме, а та обратилась в полицию. Я объясняю, что особых оснований обжаловать признание виновным и меру наказания нет, но обещаю еще раз внимательно изучить обстоятельства дела и сообщить ему результат. Ройл отказывается пожать мне руку, и я очень рада сесть в поезд, который увезет меня в Лондон.

Поезд движется по востоку города, промышленные районы сменяются рядами домов-близнецов с садами, спускающимися к железной дороге. Насыпи завалены хламом, пустыми банками, брошенной одеждой. Старые пакеты качаются на низкорослых деревьях, словно ведьмины труссы. Интересно, кто-нибудь перелезает через ограду, чтобы потрахаться на травке у насыпи – ненадолго отрешиться от рутины и закайфовать под ритм поезда 22.08 сообщением Бэзилдон – Фенчерч-стрит. Ту станцию я помню по лондонской версии «Монополии». Я-то хоть из тюрьмы выбралась, Питеру Ройлу повезло меньше. Как ни стараюсь, ни капли сочув-

---

¹³ Имеется в виду песня американского певца и поэта Боба Дилана „Don't think twice, it's all right“, написанная в 1962 году, выпущенная в 1963 году.

ствия к нему у меня нет. Он получил по заслугам. Надеюсь, это хоть немного утешит пострадавшую и ее семью.

К делу Мадлен вернусь с удовольствием. Я закрываю глаза и прислоняюсь к колючей обшивке сиденья. Перед мысленным взором мелькает Патрик, за спиной у него хмурится Карл. Два образа сливаются воедино – я забываюсь беспокойным сном и резко просыпаюсь, когда поезд прибывает на Фенчерч-стрит.

Два дня спустя мы с Патриком встречаемся на вокзале Марилебон и вместе садимся в поезд. Похоже, разговаривать ему не хочется, и после пары неудачных попыток завязать беседу я оставляю его в покое.

– Нам нужно больше узнать о ее отношениях с мужем, – говорит Патрик, пока мы ждем открытия тяжелых металлических ворот.

– Журналисты сдались, – говорит Фрэнсин, впуская нас через парадную дверь. – Я думала, это никогда не случится, но она из дома не выходит, и ловить им нечего. – Фрэнсин показывает на сестру, которая смущенно стоит у двери между холлом и кухней. – Я вас оставляю. Но не расстраивайте ее, как в прошлый раз. Сил у нее немного.

С этим я согласна. Если Фрэнсин – яркий оригинал, то Мадлен – бледная, выцветшая копия. Еще чуть-чуть, и она окончательно исчезнет из вида, как кровь ее мужа, пятна которой наверняка свели с ковра в спальне.

Мы сидим на кухне у Фрэнсин, которая куда опрятнее моей, все баночки и полотенца на ней зеленоватые, как нильская вода. Волосы у Мадлен сегодня кажутся холнее, чем при нашей последней встрече: отросшие корни осветлены, затонированы в оттенок медовой карамели. Я убираю выбившиеся пряди за ухо. Патрик усаживается у самого конца стола, мы оба открываем синие блокноты.

– Слушание о признании вины с рассмотрением обстоятельств дела состоится через месяц, – объявляю я. – При обычных обстоятельствах вы могли бы подать заявление об отрицании вины, но в этом случае...

– Я хочу признать себя виновной, – перебивает меня Мадлен, изменившись в лице, но говорит так тихо, что я едва слышу. – Хочу покончить со всем этим.

– Я поняла вас, Мадлен, но сначала нужно рассмотреть все варианты. – В сравнении с ее шепотом мой голос звучит резко.

– Вариантов лишь два – признаться или отрицать вину. Я выбираю первый. Я его зарезала, и рассматривать тут нечего. – Мадлен повышает голос и стучит кулаком по столу.

– На данном этапе есть и третий вариант – не подавать никакого заявления. Учсть нужно очень многое. Пока обвинение предоставило только краткую сводку дела. Часть бонусов вы потеряете...

– Каких еще бонусов? – Мадлен пристально на меня смотрит.

– Если признать вину на первом же слушании, вы получите меньший срок, но в данной ситуации советую запастись терпением до тех пор, пока нам не предоставят больше информации, – говорю я.

– Мне все равно дадут пожизненное, так что разницы нет.

– Разница есть. Пожизненное лишение свободы может иметь разные условия. Чтобы смягчить наказание, мы должны получить всю информацию. Я считаю, вам не стоит подавать заявление на СПВ.

– Куда, простите? – переспрашивает Мадлен.

– На слушание о признании вины, о котором я говорила. Предлагаю ничего не подавать, чтобы получить больше материалов от обвинения, свидетельские показания, данные судебной экспертизы. Еще мы с вами могли бы лучше разобраться в причинах случившегося.

– Вполне разумно, – кивает Мадлен. – Но в итоге мне таки придется признать вину.

– Давайте посмотрим, что к чему. В прошлый раз мы начали говорить о ваших отношениях с Эдвином. – Я стараюсь быть предельно спокойной, чтобы не напугать ее. – Чтобы правильно выстроить линию защиты, мне важно понять динамику ваших отношений.

– Какая сейчас разница? Эдвин мертв. Я его убила, – заявляет Мадлен, закрыв лицо руками.

Фрэнсин открывает дверь кухни, заходит и встает рядом с сестрой. Потом смотрит на меня, будто спрашивая разрешения остаться, и я киваю. Вдруг в ее присутствии Мадлен будет спокойнее?

– Я должна иметь полную ясность. Моя работа – защищать вас, выработать самую лучшую тактику, а это возможно лишь при условии, что вы расскажете мне все.

Мадлен делает глубокий судорожный вдох и расправляет плечи. Фрэнсин усаживается рядом с ней напротив меня и кладет руку ей на плечо.

– Хотите, чтобы Фрэнсин присутствовала при нашем разговоре?

Мадлен качает головой, а через несколько секунд кивает.

– В прошлый раз вы сказали: последние слова мужа, которые вам запомнились, – о желании уйти от вас. Это так?

Еще один кивок.

– Насколько я поняла, для вас это было совершенно неожиданно.

– Да, у нас были легкие и тяжелые периоды, но я никогда не думала, что мы расстанемся. Я никогда не думала, что он меня отпустит. – Плакать Мадлен перестала, но говорит очень тихо.

– Давайте вернемся к началу ваших отношений. Где вы познакомились?

Мадлен улыбается и смотрит мне за плечо в видимую ей одной даль:

– Он был таким красивым. Я тоже, хотите – верьте, хотите – нет. Нас даже называли золотой парочкой. Все хотели с нами дружить, мол, вдруг и им достанется кусочек счастья. По крайней мере, так они говорили. Ты помнишь это, Фрэнсин? Помнишь первые два года?

– Да, конечно, – кивает она. – Вы оба были такими счастливыми.

Голос Фрэнсин счастливым не назовешь. Я смотрю на нее, но лицо бесстрастное, без признаков горечи, окрасившей ее ответ.

– Да, очень счастливыми. Встретились мы в колледже. Я была на год старше, но это ничего не меняло. Знакомству я очень обрадовалась. Словно молния вспыхнула – Эдвин вошел в бар, и все, наши души слились. Я жила за территорией кампуса на съемной квартире с подружками. Эдвин переехал ко мне через несколько дней после первой встречи, и с тех пор мы были неразлучны.

– Звучит очень романтично, – говорю я, делая отметку в блокноте.

Нас с Карлом кто-нибудь называл золотой парочкой? Очень сомневаюсь. Но когда-то мы были очень счастливы. Едва разменяв третий десяток, мы не знали проблем, по выходным не вылезали из койки и не брезговали дешевым вином – пили все, что горит. Встречались мы в барах вокруг Ватерлоо и особенно любили кубинский, пока не посетили Гавану и не попробовали настоящий ром. В тот отпуск мы трахались ежедневно, но однажды заснули на пляже и были искусаны москитами так, что прикоснуться было больно. Секс тогда прекратился, но мы много смеялись, а сейчас даже не улыбаемся друг другу.

– Эдвин не уставал меня баловать – дарил подарки, то и дело признавался в любви. Мы переехали в крохотную квартирку – только он и я. Большого нам и не требовалось. Чудесная была пора... – Мадлен продолжает улыбаться.

– Но ты тогда сменила направление, помнишь? – вмешивается Фрэнсин.

Мадлен кривит губы – интересно, что означает сия гримаса?

– Да, да, мне вообще не стоило изучать юриспруденцию. Для меня это слишком: просиживать целыми днями в библиотеке не хотелось.

– Куда вы перевелись? – спрашиваю я.

Позиция Мадлен понятна: помню студентов юрфака нашего колледжа, странных кротовидных существ, подслеповато шутившихся на утреннее солнце после ночи, проведенной за штудированием судебных отчетов. Сама я получила диплом историка, а юриспруденцию изучала на курсах переподготовки. Я утверждала, что знание истории помогает лучше разобраться в законах, а сама боялась, что другие юристы куда компетентнее меня.

– На бухгалтерский учет. Учиться было тоже непросто, но хоть библиотечной работы меньше. К тому же Эдвин считал, что пользы будет больше. Мол, профессия очень ценная.

– В сравнении с профессией юриста? – Изумление мне сдержать не удастся.

– Он не считал, что мне по силам стать хорошим юристом. Говорил, я слишком тихая. Не люблю стычки и противоборство. Никогда не любила.

– А бухгалтер вам нравился?

– В общем, да. Работать приходилось, но мне было проще. Я больше времени проводила дома. Когда Эдвин не работал, мы не расставались.

– А что изучал он?

– Экономику. Эдвин всегда стремился работать в финансовой сфере. Большинство студентов о будущем особенно не задумываются, а Эдвин твердо знал, чего хочет. Это было одной из лучших его черт. – Мадлен снова улыбается.

Я смотрю на Фрэнсин, но у той совершенно непроницаемое лицо.

– Фрэнсин, а вы с ним ладили?

Мой вопрос застаёт ее врасплох – отвечает Фрэнсин не сразу:

– Да, да мы неплохо ладили. Мы с мужем в ту пору жили в Сингапуре. Мэдди нам писала письма – сначала обычные, потом электронные. Присылала фотографии. Много фотографий. Так мы познакомились с Эдвином. Так мы видели, как они счастливы.

Я делаю очередную запись.

– Эти фотографии сохранились?

– Да, – отвечает Фрэнсин, явно удивленная моим вопросом.

– Можно нам на них взглянуть? – спрашиваю я.

– При чем тут эти фотографии? – Голос Мадлен звенит от раздражения, и я поворачиваюсь к ней.

– Они помогут мне понять, какими вы с супругом были в молодости. Когда вы поженились?

– Девятнадцать лет назад. В этом году была бы наша двадцатая годовщина.

Теперь Мадлен кажется расстроенной: от страшной реальности лопнул пузырь воспоминаний, временно ее окружавший. Она пускает голову, а я делаю запись и даю ей время успокоиться.

– Сын у вас родился лишь после нескольких лет брака?

– Да. Я хотела детей сразу, и мы пробовали, но пару лет не получалось. Потом Эдвин наконец согласился. Родился Джеймс. Я была очень счастлива!

– Что значит «наконец согласился»?

– Эдвин считал, что детей заводить неразумно. Он стремился сделать карьеру и не хотел, чтобы я сразу бросала работу. Впрочем, ссориться он тоже не хотел. Эдвин знал, пить таблетки я не соглашусь ни за что, и решил проблему сам, – чуть ли не нараспев говорит Мадлен.

Фрэнсин явно не по себе: она поджала губы и ерзает на стуле.

– Мадлен, как Эдвин решил эту проблему? Что он сделал?

– Таблетки он раздобыл у знакомого доктора. Каждое утро он приносил мне чай и туда их подмешивал. Я всегда любила сладкое, чай пила с сахаром, и разницы во вкусе не чувство-

вала. Эдвин все сделал правильно. Завести ребенка раньше времени и все испортить было бы ужасно.

Я смотрю на нее в полном изумлении:

– Получается, он давал вам вредный препарат. Это противозаконно. Преступно...

– Нет! – перебивает меня Мадлен. – Ничего подобного. Люди вечно сгущают краски, а Эдвин для меня старался. Для нас. Я вела себя неразумно, и он исправлял мои ошибки.

Я делаю еще несколько записей, но сосредоточиться не могу: слишком велико потрясение. Я знаю, что чувствуешь, когда хочешь забеременеть и не можешь. Матильда у нас появилась легко, а вот со вторым так и не получилось. Я закрыла эту тему, но порой с чувствами не справиться. А Мадлен страдала из-за чудовищных действий мужа... Я судорожно стискиваю ручку. Патрик откашливается, и я вздрагиваю, почти забыв о его присутствии.

– Думаю, нам стоит обсудить варианты защиты при убийстве. Элисон, ты согласна? – спокойно осведомляется Патрик, но его напряженное лицо говорит, что признание Мадлен шокировало его не меньше, чем меня.

– Извините меня на минуту. Я сейчас... – Не договорив, Мадлен поднимается и уходит с кухни.

Фрэнсин встает, чтобы последовать за ней, потом снова садится и качает головой.

– Я предполагала, что дело плохо, но такого не ждала. Значит, даже тогда... – бормочет Фрэнсин, обращаясь к самой себе.

– Что «даже тогда»? – Я чувствую, что Фрэнсин раскалывается, но отчаянно стараюсь не давить.

– Мне казалось, они очень счастливы. Поначалу я сильно завидовала, а сейчас... Попробую найти вам те фотографии... – Фрэнсин говорит все тише. Еще немного, и она расплчется.

На языке уже вертится следующий вопрос, но пищит мой телефон, и я машинально лезу в сумку. Пришло сообщение со скрытого номера.

«Я знаю, что ты творишь, шалава гребаная».

Хлопая глазами, я открываю письмо: вдруг догадаюсь, кто отправитель? Никаких зацепок нет. Я смотрю на Патрика, потом снова на экран телефона. Тут на кухню возвращается Мадлен, и я сосредоточиваюсь на деле. Руки дрожат, сердце бешено колотится – я отключаю телефон и убираю на дно сумки. В ушах эхом раздаются слова Мадлен, а перед глазами танцуют безжалостные буквы сообщения. Мадлен усаживается за стол, и Патрик нетерпеливым жестом велит продолжить разговор, но у меня получаются лишь какие-то обрывки фраз. В итоге он сам пускается в объяснения:

– Мадлен, я хотел тщательно разобрать суть предъявленного вам обвинения. Убийство считается совершенным, когда человек, находящийся в здравом уме, осознанно и противозаконно лишает жизни себе подобного. Следовательно, если вы не страдаете психическими заболеваниями, не находились в состоянии аффекта и не действовали в рамках допустимой самообороны, получается... – Патрик делает паузу. – Вы совершили убийство.

Мадлен кивает. Я понемногу беру себя в руки. Юридическая терминология утешает, возвращает меня в мир, правила которого мне понятны.

Патрик откашливается и заговаривает снова:

– Если быть до конца точным, все немного сложнее. Существуют определенные формулы возражения, но, боюсь, в данном случае они неприменимы или нет подкрепляющих их доказательств. В отсутствии оборонительных повреждений или признаков борьбы мы вряд ли можем говорить о самообороне. – Мадлен открывает рот, чтобы возразить, но Патрик поднимает руку и продолжает говорить: – Таким образом, остается вопрос, были ли вы в здравом уме и действовали ли осознанно, то есть страдаете ли психическими заболеваниями. – На сей раз пытается перебить Фрэнсин, но Патрик гнет свое: – Либо нам остается так называемое частичное возражение, которое переквалифицирует случившееся в непредумышленное убий-

ство, а именно допустит аффект и частичную невменяемость. Полагаю, можно исключить, что наперекосьяк пошло коллективное самоубийство по взаимной договоренности.

Мадлен открывает рот, но не издает ни звука.

– Элисон, ты согласна?

– Да, согласна. – Я снова вживаюсь в роль адвоката. – Думаю, психиатрическое освидетельствование необходимо. Будет крайне полезно оценить ваше душевное состояние, и сейчас, и, если получится, на момент совершения преступления.

– Не хочу быть сумасшедшей. Я впрямь не считаю себя сумасшедшей. – Мадлен говорит тихо, но каждое ее слово будто брошенный в воду камень.

– Мы и на секунду не склоняем вас к этому, – заверяю я. – Просто нужно рассмотреть все варианты.

– А как насчет аффекта? – спрашивает Фрэнсин. – Что может означать такой вариант?

– Самые разные вещи, но я не хочу его использовать, пока не услышу от Мадлен полную историю ее отношений с Эдвином и поминутный отчет о событиях тех выходных. На мой взгляд, перво-наперво нам требуется независимое психиатрическое освидетельствование.

– Какое-то время я ходила к психотерапевту. Мы провели только два сеанса, а потом об этом узнал Эдвин. – Мадлен до сих пор говорит чуть слышно.

– Что случилось, когда он об этом узнал? – уточняю я.

– Эдвин заявил, что это пустая трата денег. Мол, никому выговариваться мне не нужно, а если нужно, он всегда к моим услугам.

– Как вы это восприняли? – спрашиваю я.

– Я согласилась с ним. Психотерапевт мне не нравился, сеансы были в тягость.

– Зачем вы к нему обратились?

– Чтобы поговорить о своей тяге к спиртному. Чтобы понять, можно ли ее контролировать. – Мадлен замолкает и со вздохом смотрит в окно у меня за спиной.

– Когда это было? – Я рисую стрелку с низа страницы наверх и жду продолжения. В жизни не подумала бы, что Мадлен прикладывает, она же такая ханжа!

– Почти пять лет назад. – Мадлен снова сосредоточивает внимание на мне, прервав созерцание боковой стены соседнего дома, которая так ее завораживала.

– Чем вам не нравился психотерапевт? – осведомляется Патрик, не позволив мне задать следующий вопрос.

– Он предупредил, что, если я появлюсь на сеансе пьяной, не сможет со мной разговаривать. Я страшно разозлилась: дело было не в этом. Я и пила не постоянно, скорее временами перебирала. Мне казалось, он совсем меня не слушает. И что он жутковатый.

Я записываю ее ответ, кивая своим мыслям.

– Почему жутковатый? – спрашиваю я.

– Просто он... сидел слишком близко. Держал мою руку слишком долго, когда пожимал на прощание. Ничего конкретного, но мне было неприятно.

Я снова киваю.

– Вы упомянули, что «Эдвин узнал» о ваших походах к психотерапевту. Что вы имели в виду?

– Он нашел у меня в сумочке квитанцию. Я думала, что выбросила ее, но, очевидно, забыла. – Мадлен снова кривит губы.

– Что случилось, когда он нашел квитанцию? – спрашиваю я спокойным голосом.

– Эдвин захотел узнать, за что она и откуда у меня пятьдесят фунтов на расходы. Я не хотела, чтобы он подумал плохое, и объяснила, в чем дело. Мол, я понимала, как он расстраивается из-за моего пьянства. В конце концов он понял.

– А про деньги что сказали? – уточняю я.

– Что накопила, откладывая свои карманные деньги. Сперва Эдвин разозлился, но потом успокоился, поняв, что это впрямь для него.

Таблетки, досмотр сумочки, карманные деньги, расспросы о расходах. Я стараюсь осознавать услышанное и не думать о своей семейной жизни.

– С ваших слов, проблема с алкоголем была непостоянной, а скорее возникала из-за несдержанности. Как долго она существовала? – спрашиваю я.

– Со студенческих лет – в той или иной степени. А последнее время некоторые ужины давались мне тяжело, – отвечает Мадлен.

– Ужины?

– Да, деловые ужины. Эдвину вечно хотелось, чтобы я на них была хозяйкой, ну, или идеальной гостьей. Меня они тяготили. Эдвину это не нравилось. Однажды мне стало плохо... – Голос Мадлен слабеет.

Я поднимаю голову: она бледна и ладонью закрывает глаза от света.

– Вы как, ничего?

– Да, просто тяжеловато, голова опять заболела.

– Нам нужно много обсудить, но давайте пока остановимся. Вы согласны встретиться с психиатром? Заключение специалиста нам очень поможет, – говорю я, ставлю возле своих записей вопросительный знак и переворачиваю страницу.

– Вряд ли это что-то изменит, но, если вам угодно, встречусь. – Голос Мадлен звучит на диво четко и ясно, и моя запись наверху новой страницы тоже получается четкой и ясной: «КЛИЕНТКА СОГЛАСНА НА ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ».

Напряжение спадает. Патрик встает из-за стола, аккуратно складывает документы, убирает их в портфель. Фрэнсин тоже поднимается, бормочет что-то про фотографии и выходит из кухни. Я прячу в сумку блокнот и ручку, попутно коснувшись сотового. В памяти всплывает сообщение. Но нет, я еще с Мадлен не закончила.

– Мы назначим встречу в ближайшее время, – обещаю я, мысленно перебирая знакомых специалистов.

– Спасибо!

Мадлен встает и, потянувшись через стол, пожимает мне руку. Крепче, чем в прошлый раз. Она заметно оживилась, и я решаю разобраться почему. Какая тема нашего сегодняшнего разговора ее осчастливила? Дело в том, что мы не обсуждали роковой день? Так передышка временная!

Фрэнсин возвращается на кухню с большим коричневым конвертом, который едва не лопается, и протягивает его мне:

– Вот фотографии Эдвина и Мадлен, которые у меня есть.

Я забираю конверт и кивком благодарю Фрэнсин.

– Могу я забрать их с собой? Обещаю быть предельно аккуратной.

Сестры кивают в унисон. Я осторожно кладу конверт в сумку и застегиваю молнию. На этот раз постараюсь не купать сумку в моче.

Фрэнсин вызывает такси и ждет его с нами.

– С вашей стороны очень благородно так здорово опекать сестру, – говорит Патрик.

– Это нелегко, – говорит Фрэнсин, но электроворота начинают закрываться, и она возвращается в дом.

Такси увозит нас с Патриком на вокзал.

Глава 7

Поезд задерживается. Я меряю платформу шагами, гадая, лучше или хуже мне станет от маффина с латте. Патрик направляется напрямик к киоску, покупает черный кофе и подливает в него что-то из фляги, которую достает из портфеля. Мне он ничего не предлагает. Судя по выражению его лица, лучше не просить угощения и не спрашивать, что он делает, даже когда он закуривает, вопреки надписям «Не курить!» на стенах. В ушах звенит отчасти от желания, чтобы он ко мне прикоснулся, заташил в темный угол, прижал лицом к стене и овладел мною... Перед мысленным взором возникает сообщение. Я вытаскиваю телефон из сумочки и перечитываю текст:

«Я знаю, что ты творишь, шалава гребаная».

Не верю, что речь об этом. Об этом никто не знает. Мы были очень осторожны. Сообщение пришло ко мне по ошибке.

– Ну, что ты об этом скажешь? – Патрик подходит сзади, пугая меня.

– О чем? – Я заталкиваю телефон поглубже в карман жакета, не желая обсуждать текст. Если не упоминать его, может, оно просто исчезнет?

– О встрече с клиенткой, разумеется. О чем еще мне спрашивать?

Я пожимаю плечами. Голос Патрика звучит четко, а глаза красные, веки набрякшие.

– У тебя усталый вид, – отмечаю я. – Ночами не спишь?

– Что? Я спросил, что ты думаешь о встрече с клиенткой. – Патрик отворачивается от меня и смотрит на платформу.

– Думаю, в отношениях Мадлен с мужем что-то не так. Дело в этом.

– Ну да, она же заколола его! Вот это глубинное понимание вопроса, вот это пронизательность! – язвит Патрик.

Нет, этим он меня не заденет. Я пожимаю плечами. Он снова вынимает пачку сигарет. На этот раз я забираю ее у него вместе с зажигалкой, делаю глубокий вдох и делюсь соображениями о встрече с Мадлен.

– Да, конечно, она его заколола. Других объяснений случившемуся нет. Но Мадлен многое не договаривает. А таблетки, которые Эдвин давал ей тайком? Разве это нормальное поведение?

– А по-моему, весьма разумно. В итоге ни забот ни хлопот!

– Правда? Ты что, от женской фертильности пострадал? – осведомляюсь я, удивленная его запальчивостью.

– Не твое дело. Ты многое обо мне не знаешь. И узнать особо не стремишься – вопросы не задаешь. И ради бога, покупай себе курево сама!

– Сам говорил, никаких вопросов, – огрызаюсь я, игнорируя последний подкол. – Еще в самом начале!

Я бешусь в открытую и плевать на это хочу. Тот разговор я помню прекрасно. Около года назад осенним вечером мы, оба поддатые, стояли у бара на Кингзуэй. Патрик слыл донжуаном-сердцеедом, за спиной имел развод и несколько разбитых сердец, но меня это не остановило. Один его взгляд, и меня как током ударило. Этот человек видел меня настоящую и сильно хотел. Тогда я прикусила Патрику ухо, а он в ответ схватил меня за горло, прижал к стене и зашипел: «Не кусаться, вопросов не задавать. Мы трахаемся, и точка». Сейчас я прачила нарушать не стану.

Патрик выплескивает остатки питья на рельсы и снова поворачивается ко мне.

– Разумеется, никаких вопросов. Как я мог забыть?! – язвит он, потом делает глубокий вдох, очевидно, чтобы успокоиться. – Согласен. Судя по словам Мадлен, в этих отношениях присутствовал контроль.

– Может, присутствовало и что-то еще, что-то по-страшнее, о чем она пока нам не говорит... Если психиатрических проблем нет, единственным вариантом защи ты останешься аффект в результате домашнего насилия. Голые факты выглядят неутешительно... – Я замолкаю, вспомнив ножевые раны на теле Эдвина и кровавые пятна на одежде Мадлен.

Не успевает Патрик ответить, как у платформы останавливается поезд. Мы заходим в вагон и усаживаемся напротив друг друга. Я готова к его призыву, кончик языка в нетерпении прижат к губам: отлично помню, как давилась, когда его эрегированный член вбивался мне в рот. «Открой рот пошире и расслабься» – такой совет я вынесла из многолетнего чтения журналов и просмотра порнухи. Такие советы легко давать за пивасиком, а попробуй-ка широко раскрыть рот и дышать носом через лобковые волосы, параллельно удерживая равновесие на обоссанном полу. Задача не из легких. Так почему мне не терпится «выйти на бис»? Почему я сижу на краю сиденья и жду, когда Патрик меня коснется? Боже, купе-то пустое, можем приступить здесь и сейчас. Кто нас увидит? Перед мысленным взором издевательски кружатся слова сообщения: *«Я знаю, что ты творишь, шалава гребаная»*, но я их «выключаю». Никто ничего не видел, никто ничего не знает – в этом я уверена.

Кладу ладонь ему на колено, поднимаю ее к бедру...

Патрик с силой ее отталкивает – такое ощущение, что меня шлепнули. Резко, словно обжегшись, я выпрямляю спину.

«Я знаю, что ты творишь, шалава гребаная».

– Ты что творишь?!

– Я подумала...

– Ты подумала неправильно. Лучше думай о деле, это главное.

– Так мы не обсудим встречу по возвращении в город? – спрашиваю я. Говорить о деле Мадлен в поезде совершенно не хочется.

– Я не успею, так как спешу на ужин. В начале следующей недели время выберем.

– С кем ты ужинаешь? – Голос мой звучит буднично, только Патрика не обмануть.

– Это совершенно не твое дело, – заявляет он.

Я прислоняюсь к окну и смотрю на плывущие мимо дома. Поезд чуть замедляет ход, и в одном саду я замечаю целующуюся парочку. Интересно, они меня видят? Они гадают, кто я? Гадают, почему женщина, ссутулившаяся у окна поезда, вытирает слезы? Когда мы подъезжаем к Марилебону, я дожидаюсь, когда Патрик сойдет с поезда, и лишь потом отворачиваюсь от окна и начинаю собирать вещи.

Линия Бейкерлу очень быстрая. Не успеваю оглянуться, и я на набережной, качу сумку по Эссекс-стрит мимо винного бара Кэрна, мимо Королевского судного двора и останавливаюсь в канцелярии. Марк вручает мне записки по делу на следующий день – пухлую стопку документов, наспех перевязанную розовой тесьмой. Листы бумаги и фотографии из нее едва не вываливаются.

– Почему она такая неряшливая? – разочарованно спрашиваю я.

– Ее из коллегии вернули. Кингз-бенч-вэй, двадцать семь. У них документы всегда неряшливые.

– Здорово! Я очень рада. – Я заглядываю на последнюю станицу. Суд короны в Вуд-Грин. Что же, это, крайней мере, рядом. То есть относительно рядом.

– Процесс чисто символический, мисс, – сообщает Марк. – Займет дней пять-шесть.

– Ясно. – Я просматриваю обвинительное заключение. Семь попыток нанести тяжкие телесные повреждения, один случай опасного вождения. – Ясно, – киваю я. – Всю ночь буду готовиться. Спасибо! – Я пячусь из канцелярии, прижимая документы к груди.

Сумку и пальто я бросаю у стола и кладу перед собой документы. Прежде чем ознакомиться с ними или с фотографиями, которые дала Фрэнсин, я звоню Карлу. Он должен быть на плавании с Матильдой.

– Алло! Вас не слышно! – Голос Карла звучит совсем слабо.

– Привет, это я. Как Матильда? – кричу я.

– Отлично, у нее все отлично. – Внезапно связь улучшается, делая последние слова слишком громкими.

– Уж наверное! Слушай, мне тут неожиданно процесс подсутили. Готовиться придется долго. Я скоро буду дома, а вот вечером придется работать.

Долгая пауза.

– Понятно, – наконец говорит Карл. – В награду за плавательные успехи я обещал отвести Матильду в пиццерию.

Я смотрю на часы: сейчас пять. У меня есть несколько часов. Сколько времени нужно, чтобы съесть пиццу?

– Приехать к вам в пиццерию? Поработаю потом.

Снова долгая пауза.

– Думать-то ты будешь о процессе. Я тебя знаю! Так что работай спокойно в коллегии и за нас не беспокойся. – Карл говорит спокойно и довольно сухо.

– Мне же надо поесть. В самом деле, я могу приехать к вам в пиццерию, уложить Матильду спать, а поработать потом. – Умолять не собираюсь, но в своем голосе слышу трепет. Увидеть дочку хочу отчаянно.

– Слушай, все в полном порядке. Приезжай, как закончишь. Не забывай, что сегодня у нас собирается моя мужская группа, так что особо не спеши.

Карл отсоединяется, прервав меня на полуслове. Я смотрю на телефон, не зная, на что решиться. Вдруг в пиццерию они пойдут с кем-то из Матильдиных подруг по бассейну. Я не водила ее ни разу и с родителями не знакома. Вдруг в эту самую минуту Карл улыбается очередной мамаше с сырыми белокурыми волосами: она намочила их, наматывая круги по бассейну, пока ее дочь вместе с Матильдой осваивала поворот сальто. Мамаша наверняка стройная и подтянутая благодаря брассу, который мне в жизни не освоить. Вдруг в эту самую минуту Карл смеется и просит мамашу не волноваться: его жена в бассейн не придет, у нее дел по горло, так что давай заберем девочек и пропустим где-нибудь по стаканчику. Нужно же отметить...

Я качаю головой, потрясенная яркостью сцены, которую сама придумала. Карл ни на кого смотреть не станет: он с Матильдой и не захочет ее расстраивать. Да и флиртовать он не будет – он будет наводить порядок в гостиной и переносить стулья из кухни, чтобы каждому члену его мужской группы хватило места. Еще поставит пару коробок с носовыми платками: вдруг кто расчувствуется? По крайней мере, я так думаю – Карл никогда не рассказывает мне о сеансах, мол, все строго конфиденциально. Группа должна полностью ему доверять. Я всегда киваю: горы своей лжи не позволяют развивать эту тему.

Я открываю записки по завтрашнему делу и погружаюсь в чтение. Все не так плохо, как мне сперва казалось. Опасная езда и покушение на убийство: обвиняемого довели подростки, оравшие на него на стоянке у супермаркета. Он сел в свою машину и поехал прямо на них. Он никого не сбил: помешал заглохший двигатель. Свидетелей набралось человек двадцать, поэтому процесс растянулся на неделю. По-моему, все очевидно.

Я представляю обвинение, но, читая протокол полицейского допроса, не могу не сочувствовать обвиняемому. У него задержка умственного и физического развития, а машина с особыми приспособлениями. Из прочитанного ясно, что мерзкие юнцы достают его регулярно, немудрено, что в итоге он слетел с катушек. Вот только говорить об этом вслух в мои обязанности не входит. Я пишу тезисы вступительной речи и надеюсь, что адвокат у инвалида

приличней. Увидев, кто солиситоры защиты, я вздыхаю: эта фирма из Хэрроу мне хорошо известна. Нормальные записки по делу они не представили мне ни разу – в лучшем случае имя на стикере. Тщательной подготовкой к процессам они брезгуют, инструктирующих консультантов выбирают самых дешевых. Прочитав еще несколько документов, я мысленно подвожу черту под завтрашним слушанием: проблем возникнуть не должно. Защита сделает заявление против иска, я постараюсь сгустить краски и притянуть более серьезную статью – думаю, за день мы управимся. Закончив подготовку, я собираю документы в стопку и аккуратно перевязываю розовой лентой. Уже восьмой час... Я пишу эсэмэску Карлу, спрашиваю, как пицца, потом сижу, глядя на экран, потом набираю сообщение Патрику: «*Как дела?*»

Сегодня он вел себя странно. Никогда раньше при мне он не пил из фляги. И от секса не отказывался. Может, Патрик понял, что у нас отношения тупиковые, и решил поставить на них крест. Может, ужин у него с кем-то интереснее меня – моложе, выше, стройнее, без мужа и ребенка. Может, это даже к лучшему – хватит интрижек, самобичевания и самоуничужения. Хватит отвлекаться от семьи. Тогда, может, и для друзей время появится.

Телефон пищит: пришло сообщение, и я буквально хватаю его. Это Карл. «*Матильда в душе. Пицца норм. Все норм*». В ответ я отправляю эмодзи – поднятый вверх палец. Из неразговорчивого лишнего слов не выбьешь. Я отключаю телефон и достаю из сумки фотографии Мадлен и Эдвина Смит.

Фотографий всего около сорока. Я раскладываю их в хронологической последовательности, ориентируясь на возраст супругов и прогрессирующую лысину Эдвина. По словам Мадлен, познакомились они в университете. Фотографии того периода выделяются из общей массы: вот она, молодая и симпатичная, в полосатом комбинезоне, рядом он, счастливый, улыбающийся, в простом свитере. Дальше целая серия отпускных фотографий – вот горвосхождение в Европе, вот Колизей, вот фонтан Треви, вот пирамида Лувра, вот ящерица Гауди. А вот и совсем дальние дали – вулкан на фоне рисового поля. Индонезия, наверное. А вот Петра.

Мы с Карлом тоже были в Петре – смеялись над верблюдом, который не мог подняться под весом жирного туриста. Сейчас вспоминать стыдно. У бедняги верблюда ноги дрожали, а погонщик орал на него: вставай, вставай, вставай! Того верблюда давно нет на свете, как нет чувства, заставлявшего нас с Карлом держаться за руки по пути к монастырю на вершине холма. Как нет мужчины с добрыми глазами, застенчиво улыбающегося мне с фотографий, которые я разложила на столе.

Вдруг мы с Карлом были в Иордании в то же самое время? Определить невозможно. Я переворачиваю фотографии лицом вниз: вдруг на оборотах есть какие-то указания относительно года, когда их сделали? Ничего. Только на одной фотографии синими чернилами написано: «Она сказала „да”». Перевернув ту фотографию, я вижу не студентов, а сияющую Мадлен в облегающем синем платье. Она сидит в ресторане и улыбается. Эдвин в кои веки не за ней, а рядом – прижимает Мадлен к себе. Фотографию наверняка сделал официант. На столе флуте для шампанского, в одном из них Эдвин спрятал кольцо? Или он принес коробочку в кармане брюк? Он то и дело похлопывал карман, проверяя, на месте ли заветная ноша, и надеялся, что Мадлен ничего не замечает?

А Мадлен ждала предложения руки и сердца? Она обрадовалась? На фото она улыбается. Эдвин обнимает ее крепко, локтем придерживает шею. Ей удобно или во взгляде правда сквозит напряжение? Неужели что-то омрачает ей даже радость такого события? Текст на обороте написан твердой, уверенной рукой. «Она сказала „да”». Разве исключительность момента не должна подчеркиваться восклицательным знаком?

Когда Карл сделал мне предложение, фотоаппарата у нас не было. И шампанского не было. Мы говорили о том, по карману ли нам перебраться со съемной квартиры в Боу в место получше, и я предложила купить жилье. «Тогда нам нужно пожениться», – сказал Карл. Я кивнула, и он добавил: «Думаю, пожениться нужно в любом случае». В тот вечер к этому больше

не возвращались, а через несколько недель Карл сообщил, что через четырнадцать дней у нас запись в офис регистрации. Я не возражала. На регистрацию пришли мать Карла и моя лучшая подруга Эви. В какой-то момент я наверняка тоже сияла от счастья, хотя это не запечатлено ни на одной фотографии. С другой стороны, я не выпущена на поруки и Карла не убивала, так что, пожалуй, все не так плохо.

На многих других фото Эдвин и Мадлен выглядят совершенно нормально – не отличаются от любой другой пары. От нас Карлом, например. Абсолютно ничто не указывает на то, что через пятнадцать лет Мадлен зарежет супруга.

Вот свадебная фотография – у Мадлен изысканный букет из оранжевых лилий. Вот беременная Мадлен боком стоит у обвитой глицинией двери. Вот она с младенцем на руках, Эдвин рядом, он крепко ее обнимает. На каждой фотографии Мадлен счастливо улыбается. Я зря теряю время. Эти фотографии не подскажут, почему Мадлен убила мужа. Они как непроницаемо идеальные картинки. Изучать их – все равно что смотреть на наши с Карлом фотографии и гадать, на каком этапе между нами возник разлад. Вздохнув, я включаю сотовый. Он тотчас пищит: пришло сообщение о Патрика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.